

СОНАТА с речитативом

Ольга Небелицкая

Ольга Небелицкая

Соната с речитативом

«Издательские решения»

Небелицкая О.

Соната с речитативом / О. Небелицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609342-3

Ксения Нецветай после разрыва отношений с матерью переезжает из Мурманска в Петербург, чтобы поступить в медицинский вуз. Альтернативный Петербург 2004 года задаёт много вопросов своей гостье: как и почему погибли её отец и дед? Что за странные вещи достались ей в наследство? Почему бесследно исчезают люди с городских улиц? Ответы на эти и другие вопросы Ксения вместе с читателями будет искать в романе «Соната с речитативом» — первой части дилогии «Время жестоких чудес».

ISBN 978-5-00-609342-3

© Небелицкая О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие. О чем эта книга	6
Интро	8
Соната с речитативом	11
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Соната с речитативом

Ольга Небелицкая

Дизайнер обложки Екатерина Шрейбер

Корректор Мария Котова

© Ольга Небелицкая, 2023

© Екатерина Шрейбер, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-9342-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. О чем эта книга

Все знают, как важно создать у читателя правильное ожидание. Об этом я и постараюсь немного поразмышлять.

Во-первых, я хочу сразу предупредить: «Соната с речитативом» – первый том двухтомника. История начнется здесь и сейчас, но закончится она далеко не с последней страницей этой книги. Если мне удастся заинтересовать и завлечь читателя, и он продолжит наше совместное путешествие во втором томе, значит, я смогла справиться хотя бы с некоторыми из поставленных передо мной задач.

Во-вторых, я хочу сразу обозначить жанр этой книги – мистическая фантастика. Не научная фантастика и не антиутопия, хотя при чтении читатель скорее всего узнает признаки и того, и другого жанра. Я не удержалась от заигрывания с астрофизикой и космической фантастикой, не имея достаточного опыта ни в первой, ни во второй, поэтому читатель, который будет ждать серьезной научной подоплеку событий, может быть разочарован. Да что там, взыскательный читатель будет разочарован даже тем, как я обошлась с советскими электронно-вычислительными машинами.

Пока вы не отбросили книгу в сторону, позвольте мне объяснить, почему же ее все-таки стоит прочитать.

Это история про людей. Любые совпадения с реальными прототипами случайны, события – вымышлены, мне важно это проговорить, потому что персонажи получились очень уж живыми, и читатель будет волей-неволей искать в этой книге мою собственную семейную историю.

Не ищите. Ее здесь нет, несмотря на то что моего деда действительно звали Бенционом, а мой отец действительно умер в 1983 году, когда мне было чуть больше полугода. Ксения, с ее характером, семейными тайнами и огромным багажом проблем и задач, просто пришла ко мне – такая как есть – и попросила о ней рассказать. Нам было сложно, но я верю, что мы справились. На страницах моей книги люди знакомятся, ссорятся, мирятся, отчаиваются, влюбляются, совершают глупости, стискивают зубы, берут себя в руки и... снова делают глупости. Но они остаются живыми. А я – как демиург – постаралась дать им толику счастья.

Это книга про город. Я родилась в Ленинграде, но всю сознательную жизнь прожила в Санкт-Петербурге: я впитала его атмосферу, я пишу о том, что знаю наверняка. Если я описываю в книге улицы, дома, фабрики, обсерватории, университетские аудитории, будьте уверены: полотно текста сплетено из живых впечатлений и воспоминаний. Моей героине пришлось нелегко питерской зимой, но, мне кажется, мы с ней обе с честью выдержали испытания темными ночами, сугробами и промокшими сапогами.

Это книга про музыку, о чем можно догадаться хотя бы из названия первого тома. Музыка в книге много, и она тоже настоящая. Мои дети играют на фортепиано, и я постаралась сделать так, чтобы герои могли сыграть для вас некоторые произведения. По моей книге можно составить саундтрек.

Это отчасти производственный роман, потому что героиня учится в медицинском университете. Читателю придется присутствовать на некоторых лекциях и зачетах вместе с первокурсниками-медиками, и, поверьте, я искренне старалась сделать это приключение увлекательным. Действие романа уложится во временной отрезок 2004—2005 гг. – учебный год первокурсницы.

Это книга-фантазия на тему того, как далеко может зайти общество, чтобы... но тсс, зачем мне сейчас раскрывать все карты?

Наконец, это книга про Бога, потому что все, что я пишу – оно так или иначе про Бога, даже если мои собственные персонажи поначалу об этом не догадываются.

Теперь, когда читатель достаточно предупрежден и, смею надеяться, заинтригован, я предлагаю вам отправиться в совместное путешествие по альтернативному Петербургу середины нулевых годов. Не забывайте, что он чересчур альтернативен, чтобы вы могли напугаться всерьез. Но помните, что он абсолютно реален в деталях, поэтому погружение будет полным.

В добрый путь.

Интро

Где-то в нескольких километрах от поселка Ловозеро, Мурманская область, апрель 1983 года

Этого не может быть.

Этого не может быть, просто потому что этого не может быть – в его жизни, в мирном 1983 году. За три дня до свадьбы. Не может быть, чтобы кто-то направлял на него дуло пистолета. Чтобы кто-то угрожал ему смертью.

Что он знает о смерти в свои неполные тридцать?

Андрей поднял голову и посмотрел на небо. Лучше смотреть на небо, чем в черный зрачок пистолета. Небо полыхнуло зеленым. Полярное сияние в апреле? Уникальность станции Ловозеро, некстати вспомнил Андрей, в том, что здесь наблюдения за полярным сиянием ведутся в течение долгого времени. Дольше, чем в других регионах.

Сейчас он стоял на краю обрыва. За четыре месяца ссылки на север он успел неплохо изучить окрестности. Он полюбил это место – лес у заброшенной шахты, дорогу-призрак; когда-то здесь на поверхность поднимали и вывозили по узкоколейке слюду, рельсы давно распилили, шпалы сгнили, теперь это хрупкий и опасный путь: лишний шаг – и провалишься в шурф-отверстие. Для неосторожного туриста прогулка может закончиться трагедией.

Андрей всегда был осторожен. Он любил дорогу-призрак, любил камни, покрытые мхом, скрученные невысокие березки и сосенки, вцепившиеся корнями в скалы.

Так и он сам сейчас цепляется за жизнь из последних сил. Он стоит на уступе над обрывом, внизу – острые камни. Далеко внизу.

Его заставили прийти сюда среди ночи – и Андрей не строил иллюзий, будто сможет выбраться из этой переделки живым. Двое ждали его на автобусной остановке поселка Ловозеро – последний автобус из Мурманска приходил за полночь, и, когда Андрей беспечно прыгнул с подножки автобуса, в бок ему уперлось холодное дуло пистолета. То самое дуло, которое сейчас было направлено ему в лоб. Его вели в темноте по тропинкам, петлявшим между скалами и деревьями. Эти двое точно знали, куда идти. Они точно знали, куда он любил приходить. И теперь они здесь. Один – с пистолетом – напротив. И второй – чуть поодаль, с большим походным фонарем. Света фонаря как раз хватает, чтобы освещать маленькую сцену, на которой разыгрывается драма. И финал очевиден.

О чем он думает перед смертью?

А о чем ему думать?

О Лене? О ее маленькой ладони, поглаживающей живот. Пока плоский живот, внутри которого уже зародилась новая жизнь.

Об отце? Он не мог думать об отце: что-то постоянно мешало. Сбивало прицел.

Прицел. Андрей опустил голову и снова посмотрел прямо на ствол, направленный ему в лицо. Слишком близко. Слишком... наверняка.

– Так просто, – сказал человек с пистолетом. – Перестать звонить. Перестать говорить о том снимке, о дискотеке, о Риге – вообще. Для всей команды, для наших сотрудников, даже для вашего отца история очевидна. Вы здесь, потому что вас обвинили в сотрудничестве с агентом западных спецслужб, – губы человека с пистолетом презрительно скривились, – но вместо достаточного наказания вы получили ссылку. Никто не задает вопросов. Никто не удивляется.

Мир сейчас так устроен: никто не удивляется решениям тех, кто имеет власть решать. Дальше у них – у нас – власти будет больше, а удивления у стада – у вас – меньше.

Рука с пистолетом описала небольшой круг, будто человек рисовал в воздухе какой-то график.

– Вас никто не собирался устранять. Вас просто нужно было отодвинуть и заставить замолчать. Мы в курсе, что вы здесь... времени даром не теряете. Когда свадьба? – Рука с пистолетом снова замерла, и черное дуло остановилось напротив Андреева лба.

Андрей молчал.

Человек с пистолетом вздохнул.

– Это не первый мой к вам визит. Вы помните предыдущие? Помните? – В голосе появились требовательные нотки. – Скажите же, что вы помните, о чем мы говорили на прошлой неделе. И три недели назад.

Андрей покачал головой.

– Смутно. Я... не уверен. Все как будто немного смазано. Я пытаюсь думать об отце, о работе в «Экране», о том, что мы делали... сделали. Я помню все – но я будто смотрю сквозь мутное стекло. Когда я пытаюсь разглядеть детали, все расплывается, и мне не хочется напрягать память. Но есть одна вещь, которую я помню четко. Та дискотека в Риге. – Андрей с видимым усилием посмотрел прямо. Он пытался разглядеть выражение лица человека с пистолетом, но тот повернул голову так, что лицо оказалось в тени. Второй, тот, что стоял в нескольких метрах от них, – громил с фонарем – за время разговора не пошевелился ни разу, будто вмерз в землю и превратился в фонарный столб.

– Я не сливал данные. Я не выходил на контакт ни с какими агентами. – Губы слушались плохо. – Я не помню нашего разговора – ни неделю назад, ни раньше. Я даже не знаю, о каких сверхсекретных разработках моей команды вообще идет речь. Но в одном я уверен точно: в тот вечер в Риге я был на дискотеке. В газете есть снимок. – Андрей неожиданно широко улыбнулся, как будто упоминание снимка принесло ему видимое облегчение. – Я звонил и снова позвоню отцу. Я буду звонить в прессу. Я... приеду, как только смогу, чтобы снова поговорить с вашими... особистами. – Андрей презрительно поморщился. – Или не с вашими. Я не знаю, кто ваш, кто не ваш, и чья воля направляет вашу руку со стволом, но я думаю, что женщина на допросе мне поверила. Она собиралась съездить в Ригу. Я, черт возьми, не помню, какие там могли быть документы, я не помню, чем мы занимались годами на Кавказе, но я знаю точно, что я не сливал данные. И я могу это доказать.

Человек-фонарь пошевелился впервые за все время разговора. Он переступил с ноги на ногу, и тень на секунду сдвинулась. Андрей увидел лицо собеседника. На нем было жадное любопытство и... жалость?

– Я впервые вижу такое упрямство, – признал человек с пистолетом. – Вы понимаете, что подписали себе смертный приговор? Вместо свадьбы, вместо нормальной жизни и работы... ну, насколько может быть нормальной жизнь в этой дыре.

Андрей стиснул зубы. Что он может сделать? Наклониться вбок и попробовать выбить пистолет из руки противника? Без шансов: громил с фонарем совсем рядом, и он наверняка тоже вооружен. Сделать вид, что он согласен заткнуться, чтобы... чтобы остаться в живых, остаться с Леной, смотреть, как растет ее живот, как рождается на свет новый человек? Но он не замолчит. А если он продолжит искать тех, кто его подставил, – а он продолжит, – то и Лена, и ребенок окажутся в опасности.

Андрей снова взглянул на небо.

Отец тоже считает, что я всех предал, подумал он. Он вспомнил пристальный – горький – взгляд отца. Если бы я мог подать ему знак, если бы я мог рассказать, как все было на самом деле. Но нас разлучили почти сразу, меня отвезли на допрос, ему, видимо, велели заткнуться

и не вступать в контакт. А как же... вещи? Андрей нахмурился. Какие вещи? Казалось, его мозг отчаянно пытается мыслить самостоятельно, подсовывает ему какие-то образы. Ищет решения. Отец, я тебя не виню. Но я не делал того, что мне приписывают.

Если бы можно было послать отцу весточку.

Если бы было можно.

Рука с пистолетом замерла. Андрей зажмурился. Сейчас. Раздастся грохот выстрела – или он просто почувствует удар?

Удар он почувствовал, но совсем не тот, что ожидал. Кто-то с силой толкнул его в плечо, Андрей покачнулся, и, пытаясь восстановить равновесие, сделал шаг влево. Этот шаг оказался фатальным: нога соскользнула с каменистого обрыва. Он снова покачнулся – теперь вперед, чтобы устоять на ногах. Пальцы загребали воздух, казалось, еще немного – и он ухватится за какой-нибудь куст, но новый удар, сильнее первого, заставил его тело выгнуться дугой, и Андрей окончательно потерял почву под ногами.

Он полетел – спиной вниз. Небо над ним полыхало зеленым.

Почему-то Андрей вспомнил, как в детстве смотрел репортаж о возвращении Гагарина после знаменитого полета, вспомнил улыбку человека, который побывал в Космосе.

«Гагарин летал – бога не видел», – эту фразу повторяли все кому не лень. Рассказывали, что какие-то бабушки поехали к космонавту после его знаменитого полета – допытываться, как Бог, значит, допустил его... туда. На небеса. Какой – Он.

Гагарин бабушек разочаровал.

Но Андрею в знаменитой улыбке почудилось лукавство.

Он и сейчас думал об этом: думал, пока падал – взлетал, – а над ним полыхало небо.

Андрей не признавался никому, даже себе, в том, что считал Гагарина в сговоре с Богом.

Возможно, все же тот увидел, почувствовал что-то. Не мог не почувствовать.

Совсем скоро и я это узнаю, подумал Андрей. Есть Бог или нет Бога.

Какой Он?

О чем Его просить?

Защити... Лену. И нашу дочь. Почему – дочь? Откуда он знает, что у него будет дочь?

Защити, снова подумал он, отца, Лену, дочь.

Скажи отцу, что я не виноват.

По небу пронеслась падающая звезда – прямо поверх зеленого мазка полярного сияния. Вспышка. Желание. Пусть у отца появится кто-то близкий рядом.

У меня слишком много желаний, успел подумать Андрей. Хватит ли мне звезд?

Я ведь тоже лечу, но не вверх, а вниз, впрочем, когда под ногами нет опоры, можно представить, что я, как Гагарин, совершаю полет в Космос.

Поехали.

Соната с речитативом

Есть одно странное противоречие: в своем отношении к космосу человечество демонстрирует удивительную наивность. На Земле, вступая на новый континент, люди не задумываясь уничтожали существующие там цивилизации при помощи войн или болезней. А обращая свой взгляд к звездам, мы впадаем в сентиментальность и верим, что если там где-то есть разумные существа, то их цивилизации живут, руководствуясь универсальными, благородными, нравственными законами. Мы почему-то полагаем, что ценить и лелеять иные формы жизни – это нечто само собой разумеющееся, часть всеобщего кодекса поведения.

Я полагаю, что следует вести себя противоположным образом. Надо обратить доброжелательность, которую мы выказываем звездам, на собратьев по расе здесь, на Земле, выстраивать доверие и понимание между разными народами и цивилизациями, составляющими человечество. Но в отношении космического пространства за пределами Солнечной системы следует быть постоянно настороже, быть готовыми к тому, что у Иных будут самые злостные намерения. Для такой хрупкой цивилизации, как наша, это наиболее ответственный путь.

Лю Цысинь. Задача трех тел

Глава 1

Адажио

Санкт-Петербург, октябрь 2004 года

Утро не задалось.

Ксеню разбудил Парсек – слишком рано. Кот выгибал спину, утробно жаловался то ли на несварение, то ли на дискомфорт иной природы: как бы то ни было, спать Ксения дальше не смогла. Она заглянула в пустую коробку и вспомнила, что собиралась купить упаковку прежнего корма: очевидно, «улучшенный» вариант коту не подходит. Взглянула на часы. Шесть тридцать. Круглосуточная ветеринарная аптека на углу, должно быть, открыта, – для категории граждан с привилегиями, но комендантский час... и дед еще спит.

Ксения протерла глаза и погладила кота:

– Подожди немного, хорошо? Через полчаса я смогу выйти... – Ксения не договорила. Парсек заскулил по-человечески жалобно, будто умоляя скорее раздобыть еды. Иначе. Слушится. Непоправимое. Ксения – как была, в пижаме – с раздражением накинула кофту с капюшоном, всунула ноги в ботинки, набросила куртку.

– Ладно. Авось за десять минут обернусь.

Она приоткрыла входную дверь. Тихо. Конечно, тихо: кому в голову придет нарушать комендантский час? Камеры в подъезде пока не установили, хотя поговаривали и об этом – в рамках обеспечения полной безопасности населения в условиях межпланетного конфликта, – и Ксения не знала, как именно ее могут засечь за нарушением режима. И что за этим последует. Штраф?

Ксения выбежала из дома, быстрым шагом дошла до угла и приоткрыла тяжелую стеклянную дверь аптеки. Дремавший у входа охранник встрепнулся и посмотрел на часы. Лицо его будто примеряло разные выражения: от растерянности до строгой несговорчивости. Ксения воспользовалась его замешательством:

– На секунду. Я из соседнего дома... там... кот. Ему нужен спецкорм. – Она помахала в воздухе справкой, которую получила пару недель назад на санстанции, когда Парсека ставили на учет. – Энтероколит, – добавила она для убедительности, хотя как такового диагноза ей не озвучивали.

Охранник секунду помедлил и сделал почти незаметный жест рукой: живей, мол.

– Скоро турникеты поставят, без личного пропуска не войдете.

Ксения благодарно кивнула, подлетела к окошечку кассы и спустя две минуты уже выбежала обратно на улицу, сжимая в запотевшей руке пакет с кормом. Двадцать метров... десять... на улице никого. Хорошо, что камер пока нет. Еще не рассвело, фонари горели тускло, будто нехотя. Ветер гнал по асфальту листья и сухие ветки.

Похоже, собирался дождь.

Ксения перевела дух. Она поднялась по лестнице, стараясь ступать как можно тише. Зашла в квартиру и сразу встретила с тяжелым взглядом деда.

Дед стоял в прихожей, уже готовый к утренней пробежке: в синем костюме, с поясным кошельком, он держал почти у самых глаз руку с часами и следил взглядом за стрелкой: дед был педант и комендантский час не нарушал ни на минуту. Ксения виновато шмыгнула носом и показала деду пакет с кормом. Дед всплеснул руками:

– Ксенечка, как же так! Еще же нет семи...

Парсек подал голос, и Ксения отмахнулась от деда, на ходу скидывая куртку. Обошлось – и ладно. Сердце колотилось быстрее обычного, прилив адреналина взбодрил ее сильнее утреннего кофе. Сейчас она покормит кота и наконец выдохнет.

Дед вздохнул и перевел взгляд на руку с часами. Семь. Можно бежать. Он проверил шнурки на кроссовках, потуже затянул ремень поясного кошелька и вышел. Ксения на кухне, выкладывая корм в миску, слышала, как хлопнула входная дверь.

Спустя десять минут она уже сидела в кресле и пила кофе.

Странное чувство накатило на нее в тот момент: как будто время приостановилось и задержало дыхание. Как будто что-то вот-вот случится. Что-то нехорошее.

На кухне потемнело.

По утрам свет умудрялся проникнуть в окно, хотя ему для этого требовалось обойти мыслимые и немыслимые законы физики. Свет падал на круглый деревянный стол, инспектировал потертую поверхность с наброшенной на край вишневой скатертью, выхватывал две кошачьи миски в углу. Свет убеждался в отсутствии на плите пятен кофе и в том, что огромная медная джезва висит на своем месте. Он неодобрительно скользил по закрытой дверце шкафа, где – будто он догадывался – рядом с молотым кофе стояла банка растворимого. Инспекция раковины показывала, что чашки и тарелки вымыты и стоят на своих местах. Тогда свет, успокоенный, ложился на колючие побеги алоэ на подоконнике.

Но в это утро небо за окном хмурилось, света в кухне становилось меньше и меньше.

Ксения подняла взгляд к циферблату часов, и в этот момент в окно ударили первые капли. Резко, нервно, будто кто-то снаружи бросил в стекло горсть мелких камешков.

Ксения включила свет, кухня потеплела, пооранжевела, Парсек закончил есть и вскочил к ней на колени, поерзал, устраиваясь поудобнее.

Спустя несколько секунд хлынул дождь.

Небесные шлюзы будто ждали, что кто-то дернет за шнурок, чтобы распахнуть створы. Пространство за окном вмиг превратилось из тускло-серого в сизое, темное, подвижное. Вода хлестала по карнизу снаружи, била в стекло настырными струями.

Ксения снова взяла в руки кружку. Кофе почти остыл. Она сделала еще глоток, и странная тревога усилилась. Ей показалось, будто Парсек перестал дышать, и она в панике запустила руку в кошачью шерсть сильнее, чем нужно. Кот недовольно дернулся.

Ксения снова взглянула на часы. Секундная стрелка задвигалась быстрее.

Дед, наверное, вот-вот вернется. Нужно собраться, иначе она опоздает на первую пару. Ксения вздохнула и мягко, но уверенно сдвинула теплое кошачье тело с коленей.

Струи за окном взяли более плавный ритм, когда Ксения все же начала собираться.

Теперь дождь не лупил в жестяной карниз, а исполнял какую-то мелодию. Вода текла ровно, в дождевой симфонии угадывалась мрачная торжественность. Этот ливень окончательно смывает октябрьские краски с деревьев. В Питере заканчивалась золотая осень, но сегодня после дождя мир станет серым и голым в преддверии ноября.

Почему дед не возвращается?

Возможно, он решил продолжить пробежку, если все равно вымок насквозь. Дед обычно делал пару кругов по парку, а в хорошие дни мог и пробежаться по набережной до «Авроры» и вернуться по улице Куйбышева.

Пора выходить. Ксения положила в черную сумку тетради, тяжелый анатомический атлас, пакет с медицинским халатом, сменку и футляр со скальпелями и пинцетами. Она встала перед зеркалом и несколько раз провела расческой по тонким волосам. Собрала волосы в хвост, с раздражением сдернула резинку и помотала головой. Потрогала скулы, как будто могла вылепить себе другое лицо – с менее резкими чертами, не такое бледное и вытянутое. Поправила манжеты белой рубашки, подтянула ремень.

Звонок в дверь разорвал тишину.

Она вздрогнула. Парсек на кухне повозился и замер, и в этот миг Ксене захотелось, чтобы время остановилось окончательно. Почему-то она была уверена, что в дверь звонит не дед.

Позже Ксения узнает, что деда сбила машина. Белая легковушка. Записи камер с места происшествия покажут, что номера машины были забрызганы грязью, а водитель, судя по траектории движения и силе удара, даже и не думал останавливаться или сворачивать. Машина выскочила из стены дождя и на полной скорости впечаталась в синюю поджарую фигурку. Дед перебежал дорогу от Александровского парка к улице Лизы Чайкиной: как Ксения и предполагала, мокрый до нитки, он спешил домой. Поток воды с неба прогнал почти всех свидетелей.

Ксения сделала шаг к двери. И еще один. Звонок повторил требование, но уже мягче, деликатнее, давая обитателем квартиры последние несколько секунд покоя.

О смерти деда в то утро Ксене сообщили не работники милиции или морга.

Необходимые звонки и встречи свершатся позже; формальности будут соблюдены, и Ксения память постарается вытеснить страшные подробности октябрьских дней: с поездками на такси, разговорами с вежливыми и равнодушными людьми и подписыванием бесконечных бумаг.

Но в восемь часов семнадцать минут обычного октябрьского вторника на Ксенином пороге возник Сашка.

Ксения осторожно открыла дверь и увидела на лестничной клетке незнакомца.

С его темного плаща текла вода и уже собралась в приличную лужу у ног. Пряди волос прилипли ко лбу. Ксения привыкла к тому, что из-за высокого роста смотрит на сверстников сверху вниз, но сейчас ей не пришлось опускать взгляд: прямо на нее через стекла круглых очков таранились темные глаза. Владелец глаз будто злился на нее за то, что она все-таки открыла дверь.

Ксения растерялась.

Таким она и увидела Сашку впервые: мокрым, встрепанным, нелепым, в очках с запотевшими стеклами. Он переминался с ноги на ногу, слегка припадая вправо: плечо оттягивала сумка. Правой рукой он придерживал лямку сумки, а в другой держал предмет, при взгляде на который Ксения похолодела.

Дедов поясной кошелек.

Дед выходил на пробежку в неизменном синем костюме и пристегивал на пояс коричневый кошелек, в который клал ключи, документы и еще какие-то мелочи. Кульчицкий Бенцион Владимирович считал, что, выходя из дома, нужно быть готовым ко всему.

Увы, в это утро Ксения убедилась в его правоте.

Взгляд мокрого паренька скользнул вниз: Парсек потерял о ее ноги. Ксения наклонилась и взяла кота на руки. Семь килограммов кота придали ей уверенности. Парсек не стал вырываться, приник к Ксении и замер. Ксении стало тепло и жутко.

– Бенцион Владимирович, – начал гость, – он умер. Под машиной. А я Сашка... Александр, – нехоти закончил он фразу, и ровно в это мгновение лямка его сумки треснула с жалобным звуком. Будто в замедленной съемке Ксения следила за тем, как сумка падает, как из нее вываливаются тетради, учебник и почему-то теннисные мячи. Три или четыре яркосалатовых мяча запрыгали по ступенькам. Последним из сумки выкатился металлический будильник. Жалобно звякнул. Саша охнул и метнул растерянный взгляд сначала на мячи, пара из которых уже пропали из виду, и только потом, наконец, виновато всхлипнул и снова посмотрел на Ксению.

Она стояла, обнимая рыжего кота так, будто это ее единственная опора. Ее лицо побледнело. Неверный свет лестничной клетки падал таким образом, что Сашке показалось, будто у нее вместо глаз темные провалы.

– Где. – Голос подвел Ксению, она не смогла задать вопрос. Сглотнула и попробовала снова: – Где он?

Сашка потрогал носком кроссовка будильник.

– Увезли. На скорой. – Он спохватился, сообразив, что дал Ксении ненужную надежду, и помотал головой. Ксения почувствовала на лице брызги с Сашкиных волос. Грымза отряхивалась так же после купания в озере.

Ксения зажмурилась. Она ослабила хватку, Парсек спрыгнул на пол, отряхнулся и удалился.

– На скорой – в смысле в морг, – пояснил Сашка. Ксения сделала шаг назад. Она не отводила взгляда от Сашкиного лица. – В смысле что он точно умер, я видел, я там был. То есть не совсем прямо с ним, но я видел, как врачи ... – Сашка не договорил. Он протянул Ксении дедов кошелек. – Когда они уехали, я увидел это. Там была лужа. Никто не заметил. – Ксения взяла в руки дедов кошелек. Застежка не просто расстегнулась: кусок фастекса, так, кажется, эта штука называется, был выломан. Наверное, он так и остался валяться там, на улице.

Ксения почувствовала, что пол уходит у нее из-под ног, а звуки становятся ватными, будто она находится в толще воды, а кто-то продолжает бубнить снаружи, на воздухе. Сильная рука подхватила ее под локоть и обняла за талию. Вовремя, потому что ноги подкосились, и еще спустя миг Ксения рухнула бы на пол. От Сашки пахло чем-то домашним, мучным, вроде блинчиков или оладий. И мокрой шерстью. Ксения снова вспомнила Грымзу.

Ксения разозлилась, и злость вернула четкость предметам и звукам.

Она высвободилась из Сашкиных рук, повернулась к нему спиной и пошла по коридору. Куда теперь идти и что делать, она не знала, но почему-то казалось очень важным дойти до кухни. В кухне дедово кресло. Над плитой висит его джезва. Он придет с пробежки и сварит кофе, как делал всегда.

За спиной кто-то кашлянул.

Ксения обернулась.

Сашка уже поднял с пола сумку и будильник, теперь обе его руки были заняты.

– Я принес кошелек, – он кивнул на поясной кошелек в Ксениных руках, – потому что там паспорт и адрес. Паспорт промок. В общем, я пошел. Простите. Пожалуйста. – Он несмело улыбнулся и поправил мокрую прядь.

Ксения открыла рот, чтобы попрощаться, и неожиданно спросила:

– Кофе будешь? – Ей снова пришлось опереться рукой о косяк.

Сашка с готовностью закивал:

– Я сварю. – Он наконец затолкал в сумку будильник, присел на корточки, сгреб в охапку тетради с учебником и утрамбовал их вслед за будильником. На лестничную клетку и на ступеньки, по которым упрыгали салатные мячи, даже не оглянулся. Аккуратно прикрыл за собой входную дверь, повесил на крючок плащ и скинул мокрые кроссовки.

Ксении показалось, что кроссовки, покинув Сашкины ноги, увеличились в объеме и заняли половину прихожей. Как две подводные лодки. Подводные лодки сорок шестого размера.

Почему-то стало спокойнее.

Ксения сразу забралась в кресло и поджала колени. Она не хотела кофе и уже раскаивалась в том, что пригласила незнакомого парня в квартиру. Но стоило ей представить, как она сейчас стояла бы посреди кухни в одиночестве, переводя взгляд с дедова кошелька на телефон на стене, Ксения поежилась. Пусть тут будет мокрый незнакомец Сашка, который пахнет собачьей шерстью и блинчиками.

Сашка снял с крючка дедову джезvu и остолбенел.

Ксения слабо улыбнулась. Сашка вертел джезvu в руках. Ручку джезвы обвивали две медные змеи, обращенные мордами друг к другу, концы их хвостов вились по бокам.

Дед привез ее из то ли из Турции, то ли из Армении. Ксения не любила варить кофе в этой джезве: она не могла отделаться от ощущения, что змеи вот-вот оживут.

Сашка стряхнул оцепенение и перевел взгляд на полки над плитой. Быстро сориентировался, нашел банку с кофе, вдохнул запах и прикрыл глаза.

Ишь, ревниво подумала Ксения, разбирается.

Сашка, судя по всему, действительно разобрался. Кофе он сварил быстро и аккуратно, и коричневая шапка пены поднялась над краем джезвы на какой-то миллиметр, прежде чем он решительно погасил огонь. Он открыл холодильник и по-хозяйски пошарил на полках, доставая молоко. Взял с сушилки две кружки и только потом сообразил перевести взгляд на Ксению:

– Можно?

Ксения вяло кивнула. Какая теперь разница. Дед пил кофе только из чашек ЛФЗ¹ с кобальтовой сеткой. Она предпочитала домашнюю кружку, с жирафиком. Кружка была осколком прежней жизни, нехитрым приданым, одной из немногих вещей, что она прихватила, убегая из дома. Кружка стояла на столе, и в ней еще оставался растворимый кофе, наверняка совсем холодный. Кофе, который она сделала, когда еще живой дед собирался на пробежку.

У Ксении затряслись руки.

Как замерзший ручей по весне превращается в водопад, который несет, не разбирая дороги, так от застывшего Ксениного сердца устремился поток, который не оставил ей ни малейшего шанса. Она обхватила колени руками и разрыдалась. Плач сотрясал ее, Ксения не управляла телом, она могла только держаться за собственные колени в надежде, что не упадет из кресла на пол. Где-то на периферии сознания она отметила, что дождь продолжается.

¹ Ломоносовский фарфоровый завод (ЛФЗ – аббревиатура клейма истолковывалась и как Ленинградский фарфоровый завод) – до 2005 года.

Она почувствовала запах кофе: Сашкина рука поставила перед ней на стол кружку с жирафиком. От кружки исходил пар, пахло кофе с молоком и чем-то еще, незнакомым. Ксения втянула в себя воздух. Что он там успел найти на дедовых полках?

Сашка задал вопрос, и Ксене пришлось поднять голову и в упор посмотреть на него, чтобы убедиться в том, что она не ослышалась.

– У вас есть пианино? – повторил Сашка.

Ксения повернула кружку так, чтобы жирафик тарашился не на нее, а в противоположную сторону. Пусть лучше разглядывает незваного гостя. Чем-то они похожи: оба глазастые и нелепые. Ксене показалось, что Сашкины уши топорщатся сильнее, чем в момент знакомства. Как будто уши, как и волосы, распрямлялись после дождя, возвращаясь в нормальное положение.

– Есть рояль, – неожиданно для себя самой ответила Ксения. – Но я не играю.

Сашка поставил на стол чашку, – Ксения отметила, что он выбрал ту самую, дедову любимую, с сине-белой сеткой и позолотой, – сцепил длинные пальцы в замок и еле слышно хрустнул суставами. Ксения всхлипнула еще раз – водопад иссякал – и вытерла щеки тыльной стороной ладони.

Рояль стоял в комнате, в которую дед запрещал входить.

Когда Ксения услышала про запрет, она сразу вспомнила сказки про Синюю Бороду. По спине побежали мурашки, и впервые с момента бегства из дома она пожалела, что приехала к Кульчицкому. Может, стоило жить в общаге вместе с другими иногородними студентами. Но злость взяла верх, ведь жить у Кульчицкого означало не просто получить кров, а еще и досадить маме.

Поэтому Ксения безропотно приняла правила игры. Она ни разу не пыталась проникнуть в запертую комнату и постаралась выкинуть ее из головы.

Пару раз дед у нее на глазах клал ключ от комнаты в верхний ящик комода в спальне. Дед входил и выходил оттуда, нимало не стесняясь внучки. Ему было достаточно ее слова, и свое слово она держала. Дед будто испытывал ее на прочность, и Ксене хотелось думать, что рано или поздно он сам распахнет перед ней загадочную дверь. Наверное, так и случилось бы.

Ксения поморщилась и встала.

Откуда она знала, что в комнате рояль?

Один раз она успела увидеть черный лакированный бок, когда дед закрывал при ней дверь. Рояль стоял, как одинокий осколок застывшей лавы, как огромная куча угля посреди пустыни. Пару раз Ксения слышала приглушенные звуки музыки. Дед играл в ее отсутствие, и музыка замолкала, когда она возвращалась. Ксения как-то спросила деда, играет ли он на пианино. Дед ничего не ответил, только смерил ее тяжелым взглядом – Ксене захотелось присесть или уменьшиться в размерах, чтобы взгляд не давил на макушку с такой силой. Больше о музыке она с ним не заговаривала.

Ксения без колебаний зашла в дедову спальню и распахнула верхний ящик комода. Если бы она спросила себя, почему собирается впустить в странную комнату человека, которого видит впервые в жизни, она бы скорее всего остановилась. Но пальцы сразу нащупали холодный ключ. Ксения так же решительно вышла из спальни и чуть не сбила с ног Сашку, который следовал за ней по пятам.

Другие двери в квартире скрипели и пели на разные лады. Ксене иногда казалось, что дедова квартира исполняет сложную симфонию: двери и дверцы шкафов, и даже дверные ручки напевали каждая свою ноту. Но белая дверь открылась бесшумно и легко.

Кроме рояля в комнате был небольшой шкаф, в углу стоял стол. На вешалке в противоположном углу висел вишневый плащ, казавшийся лакированным. Напротив входа на стене –

небольшая картина. Еще Ксения успела увидеть пару картонных коробок на полу под картиной. И все? Чем здесь занимался дед?

Ксения моргнула.

Вот бы все вернулось обратно. Пусть бы рядом с ней оказался сухой старикан в синем костюме, пусть бы он посмотрел на нее вполоборота со странной улыбкой, от которой у Ксении бежали мурашки по коже. Пусть бы он потребовал назад ключ, запер дверь, пусть бы даже строго отчитал ее за своеволие. Пусть.

Сашка отодвинул замершую на проходе Ксению, подошел к роялю, сел на вертящийся стул и открыл черную крышку.

Ксения не интересовалась музыкой и не знала классических произведений. Не знала она и той мелодии, которая родилась в тишине этого утра – дождь наконец стих, – которая вытекала из-под Сашкиных пальцев, которая сначала была еле слышна, а потом обрела плоть и зазвучала в полную мощь. Ксения прислонилась к дверному косяку.

Дед опустил протянутую было за ключом руку и тоже прислушался. Он посмотрел на Ксению и грустно улыбнулся. Было в его взгляде что-то новое. Ксения видела раздражение, которое появлялось, когда она выводила деда из себя. Но теперь в темных глазах промелькнуло и облегчение. Ксения зажмурилась. Когда она распахнула глаза, деда уже не было.

Сашкины пальцы гладили клавиши, Сашкина огромная стопа в мокром носке вдавливала педаль в пол, музыка звучала раскатами уходящей грозы, музыка заполняла пространство, и Ксения подумала, что пространство это не ограничивается одной комнатой.

Музыка заполнила весь мир.

Так вышло, что в утро смерти Бенциона Владимировича Кульчицкого его внучка Ксения Нецветай узнала об этом не от работников милиции или морга. Случайным свидетелем происшествия оказался студент театральной академии Сашка Ноткин.

Именно Сашка сыграл для Ксении первый похоронный марш.

В другой день Ксения в строгом черном костюме будет присутствовать на похоронах и услышит другую скорбную музыку.

Но «Адажио» Альбини сыграл для нее только Сашка.

Ни Ксения, ни сам Сашка в то утро и не подозревали, насколько сильно и необратимо изменилась жизнь.

Глава 2

Шхуна

Санкт-Петербург, октябрь 2004 года

Ксене не снилось море. Стальная вода и равнодушные корабли. Ей не снились сопки, строгие улицы города, уходящие то круто вверх, то вниз. Разноцветные дома.

Ксене снилась Грымза. Старая дворняга невнятной породы с лохматой бородкой и огромными выразительными глазами. Грымза умела делать бровки домиком и улыбаться.

Ксене снилось, как она обнимает черную лохматую голову, прижимает к себе и вдыхает запах мокрой шерсти, смешанный с запахом водорослей. Ксения просыпалась и смотрела в кремовый потолок с лепниной, не сразу вспоминая, где находится.

После смерти Кульчицкого она не позвонила матери. Мать никогда не рассказывала ей про деда и не заслуживала правды.

Первые дни после дедовой смерти прошли как в тумане. Иногда из этого тумана выглядывала лохматая собачья голова, Ксения вскидывалась: казалось, что кошмарный сон подходит к концу, можно обнять Грымзу и сходить с ней на озеро. Но собака заговаривала человеческим голосом, посверкивали нелепые круглые очки, и Ксения понимала, что к ней опять пришел Сашка.

Сашка раздвигал тяжелые шторы на кухне, поливал цветы. Он приносил кошачий корм, и Парсек на третий Сашкин визит начал благосклонно тереться о его ноги и запрыгивать к нему на колени. Сашка варил кофе и экспериментировал с пряностями, которые стояли на полках. Ксения наконец узнала, что именно Сашка добавил в кофе в день знакомства.

– В паспорте? Ты нормальный вообще?

Сашка пожал плечами.

– Я всегда там ношу пряности. Пакетик кардамона на случай, если придется внезапно варить кофе.

– Внезапно варить кофе! Скажи еще, тебе часто приходится внезапно вламываться к незнакомым людям.

Сашка не смутился.

– Всякое бывало, – туманно ответил он. – А как ты будешь жить дальше?

«А как я жила до сих пор?» – спросила себя Ксения.

Полгода назад она, вытянутая в струну от злости и любопытства, впервые поднялась по полутемной лестнице дома на улице Лизы Чайкиной, позвонила в дверь и услышала: «Не заперто!»

Когда Ксения бросила родной город, учебу, маму и сестру, ей было двадцать лет. Она училась на третьем курсе мурманского экономического колледжа. Оставался год до диплома, когда у них с матерью состоялся тот самый разговор.

До разговора (у Ксени в сознании слово «разговор» обычно звучало как РАЗГОВОР) у них тоже бывали размолвки. Мать редко задавала вопросы и редко интересовалась чужим мнением. Принимая решения, она ставила детей перед фактом. И Ксения, и Полина, младшая сестра, каждая по-своему научились выскальзывать из-под пресса материнской заботы. Полина запиралась в комнате и пела романсы: мать не заходила к ней, если слышала музыку. Ксения брала Грымзу и уходила из дома. Она бродила под низким небом, разглядывала черные кучи

угля в порту, наблюдала, как серые туловища кораблей неторопливо двигаются мимо нее прочь из бухты.

Ксения разглядывала карту страны, на которой кто-то задвинул ее родной город в самый угол. Мурманск напоминал Ксене бусину, нанизанную на нитку железной дороги, сиротливую и одинокую. То ли дело Петербург или Москва – от них дороги разбегались во все стороны.

В детстве Ксения мечтала быть ветеринаром или врачом, изучать и лечить живое. Она сама выхаживала Грымзу, когда та поймала пироплазмозного клеща. Везла собаку на анализы и лечила ее дома. Когда Полина свалилась с тяжелой ангиной, Ксения так же самостоятельно поставила сестру на ноги. Делая Полине уколы, заглядывая в обложенное налетом горло, обтирая горячий лоб влажным бинтом, Ксения поняла, что человеческая медицина ей все-таки ближе.

И не потому, что ей больше нравилось разговаривать с людьми, чем заботиться о бессловесных тварях. Люди были сложнее, и Ксене хотелось постичь законы, по которым они функционируют. Болезнь представляла собой нарушение порядка вещей, и Ксене хотелось понимать, где, в какое мгновение, в какой клетке происходит сбой.

Когда Ксения в десятом классе сказала маме о желании поступить в медицинский вуз в Петербурге или Москве, мама ничего не ответила. Молча встала и вышла из комнаты. Вернулась и положила перед Ксеной рекламные проспекты двух экономических колледжей и Мурманского института экономики и управления. Бесцветным голосом сказала, что у нее не хватит денег, для того чтобы отправить дочь в другой город, и что шансы Ксени на поступление в медицинский не просто равны нулю, а уходят глубоко вниз за нулевую отметку. Нужно думать о будущем рационально, говорила мама.

Нет, это еще был не РАЗГОВОР.

Тогда маме удалось убедить Ксению отказаться от мечты. Ксения с ее безупречной памятью так и не вспомнила, что именно стало последней каплей и последним доводом в пользу колледжа. Как будто мама ее загипнотизировала.

Гипноз продлился три года.

Ксения поступила в экономический колледж. Она исправно зубрила термины, сдавала зачеты и экзамены. Если бы мама заглянула в ее зачетку, то, возможно, удивилась бы отсутствию оценок «удовлетворительно» и «отлично». Ксения училась хорошо. «Хорошо» было единственной отметкой, которую ставили преподаватели на каждом экзамене. Они выслушивали ровные и гладкие фразы, отмечали отличную память... и полное отсутствие интереса к предмету. К любому предмету.

Ксения уже заканчивала третий курс, когда случился взрыв. РАЗГОВОР.

После него она даже не успела попрощаться с Полиной.

Она опустошила копилку, метнулась на вокзал, купила билет – последний, на верхнюю у туалета – на тот же вечер. Заплакала всего раз – когда обняла Грымзу и почувствовала на лице собачье дыхание. Грымза пахла солью и моллюсками. Ксения зарылась носом в шерсть и на секунду усомнилась в правильности принятого решения. Горячие слезы хлынули потоком, Грымза пыталась вылизать лицо хозяйки и вопросительно скулила.

– Я вернусь и заберу тебя, – пообещала Ксения.

Ксения приехала в Петербург в апреле с одним небольшим чемоданом. В чемодане лежали два свитера, три рубашки, брюки, синий том Станислава Лема из серии «Библиотека Лениздата», учебник по химии, обернутая шарфом из собачьей шерсти любимая кружка, документы и немного денег. Ксения втащила чемодан на второй этаж дома на улице Лизы Чайкиной, вошла в квартиру Кульчицкого Бенциона Владимировича и в полутемном коридоре выложила факты. Она – его, Кульчицкого, внучка, и до недавнего времени она не знала о его существовании.

Теперь она ушла из дома, забрала документы из колледжа и собирается поступить в медицинский университет.

Она так и сказала: поступить, а не поступать, потому что времени на несколько попыток у нее нет.

Что ей нужно от Кульчицкого? Кров хотя бы на пару ночей, пока она не сориентируется в незнакомом городе, не найдет работу и не снимет жилье.

Ксения говорила, лицо ее в полумраке коридора выглядело тонко, четко, будто подсвеченное изнутри. Волосы слегка шевелились, хотя сквозняка не было. Она придерживала чемодан и в тот миг напоминала носовую фигуру корабля: решительный взгляд, напряженное тонкое тело. Ксения стояла на месте, но казалось, ее движет вперед изящная и быстрая шхуна.

Кульчицкий почувствовал себя так, будто стоит в фарватере шхуны.

Ему оставалось лишь посторониться и впустить Ксению в квартиру и в свою жизнь.

Вечером он выслушал более подробный, но все же скупой на эмоции рассказ. Ксения говорила ровно, взвешивая каждое слово, – она даже ладонью в воздухе двигала так, будто проверяет слова, перед тем как позволить им прозвучать.

Кульчицкий тем же вечером сделал пару телефонных звонков.

Через два дня Ксения вышла на работу: Кульчицкий пристроил ее лаборантом на кафедре физики в медицинский университет. В тот самый, в который собиралась поступать Ксения. Маленький северный таран, называл он ее про себя, тщательно скрывая от Ксении восхищение ее напором.

Ксения приступила к работе на кафедре: мыла мензурки и колбы, настраивала приборы по инструкции, таскала рулоны с плакатами, меняла слайды на лекциях. Она честно искала съемную комнату в течение двух дней и даже нашла – опять же, чудом. Нет, не чудом. Тараном. Кульчицкий был в курсе, как непросто найти съемное жилье. Ксения обошла окрестные дворы: она ныряла из одной парадной в другую, разговаривала с жильцами во дворах. Апрель выдался теплым, бабушки высыпали на лавочки, и мамы с колясками бродили по тротуарам и скверам. Ксения уже на второй день вернулась с тремя телефонами потенциальных арендодателей.

Когда Кульчицкий вечером увидел ее, задремавшую в кресле на кухне, что-то случилось с его сердцем. Он подумал тогда, аритмия: стук через стук, пауза, стук. Желтая лампа освещала строгое Ксенино лицо. Даже во сне она хмурила брови. На листке бумаги перед ней аккуратным, почти каллиграфическим почерком были записаны телефонные номера и имена. Парсек лежал у Ксении на коленях. Кульчицкому показалось, что кот копирует Ксенино выражение лица. Кот смотрел строго и выжидательно.

Кульчицкий растолкал Ксению, велел не дурить и оставаться жить у него.

Пока он говорил, стук его сердца возвращался к привычному ритму. Парсек смотрел снизу вверх, будто дожидаясь окончательного решения, а когда Кульчицкий закончил, спрыгнул на пол и не спеша направился к миске.

Он был удовлетворен.

До июля Ксения чувствовала себя сжатой в пружину. Каждый ее шаг, каждая мысль и каждое слово вели к поступлению в университет. Ксения будто видела многочисленные полки в собственной голове. Она засунула все, что связано с отъездом из дома, с мамой и РАЗГОВОРОМ, в плотную коробку и задвинула ее в дальний угол. Эмоции, которые могли помешать ей двигаться к цели, отправились туда же. Боялась ли Ксения разговаривать с незнакомыми людьми? Было ли ей страшно впервые подняться по старой лестнице дома на улице Лизы Чайкиной, позвонить в дверь и встретиться лицом к лицу с худощавым стариком, чья кровь текла в ее жилах, с тем, кого мать вычеркнула из ее жизни? Ксения не знала. Поскольку это не имело для нее значения, она не задавалась этим вопросом. Она просто шла вперед. Как носовая фигура

корабля, которая не выбирает направление и не имеет возможности уклониться от выбранного курса.

Кульчицкий жил один в трехкомнатной квартире.

Ксене досталась маленькая, вытянутая в длину комната. Узкая тахта с жестким матрасом – слева, письменный стол с настольной лампой – справа. На небольшой тумбочке в углу стоял проигрыватель с прозрачной пластиковой крышкой. Верхние полки высокого шкафа были заставлены книгами, а нижние – пластинками. Ксения подошла к шкафу и наугад вытянула одну пластинку. На обложке она увидела черный дирижабль на светлом фоне, а в углу – бирюзовую надпись Led Zepplin. Название исполнителя – или группы? – было ей незнакомо. Вытянула вторую. АВВА.

Когда-то в этой комнате жил Андрей Кульчицкий, ее отец.

Ксения провела пальцами по корешкам книг. Кто-то потратил немало усилий на то, чтобы рассортировать книги по размеру и цвету. Она скользнула взглядом вверх... и заметила зазор между двумя одинаковыми серыми корешками, прочитала название серии. Библиотека Лениздата. Молча встала, открыла чемодан и достала книгу в синей обложке и с серой полосой сбоку. Не произнеся ни слова, вставила сборник произведений Станислава Лема в щель: книга вернулась домой.

За ее спиной всхлипнул дед.

Когда Ксения обернулась, в комнате уже никого не было.

Кульчицкий был молчалив.

Первые недели Ксения чувствовала, что он к ней присматривается. Дед то и дело пробегал по ней быстрым взглядом. Прикидывал параметры. Как будто высчитывал в уме длину, ширину и площадь нового человека, который завелся в его доме.

Ксения любила сидеть на кухне в кресле, когда деда не было дома, и при звуке открывающейся двери вскакивала, собирала учебники в охапку и пыталась к себе в комнату. Но однажды она замешкалась, и Кульчицкий повелительно махнул рукой: сиди, мол. Он молча сварил кофе, сел на соседний стул и стал наблюдать, как Ксения подчеркивает карандашом сложные фразы и что-то выписывает в тетрадь. Странно, но под тяжелым дедовым взглядом Ксения не чувствовала неловкости.

Вскоре проводить вечера на кухне стало привычным делом для обоих. Ксения забиралась в кресло с ногами, а дед располагался напротив с газетой или толстой книгой. Они не разговаривали.

Дед ни разу не предложил Ксене помочь с подготовкой к экзаменам, не поинтересовался датами консультаций и вступительных испытаний. Он не спрашивал у нее, что она планирует делать, если не поступит в университет с первой попытки. Он наотрез отказался брать с Ксени деньги за проживание, но Ксения быстро сориентировалась, какие бытовые заботы взять на себя.

Она изучила полки холодильника, поморщилась при виде вялой четвертинки кочана капусты, банки аджики и заплесневелого сыра. В морозилке обнаружили два пакета с пельменями, похожих на глыбы льда, и открытая, промерзшая до дна банка томатной пасты.

Не только Кульчицкий присматривался к Ксене, оценивая ее жизнестойкость. Понаблюдав пару дней за тем, как дед замачивает на завтрак моментальный геркулес в керамической плошке, как он растерянно смотрит в морозилку, выбирая, какой из пакетов пельменей открыть, Ксения отправилась на разведку. Она присмотрелась к бабушкам с сумками-тележками на колесиках, прошла несколько дворов, пересекла несколько улочек и нашла Сытный рынок.

Ксения разморозила и вымыла холодильник, безжалостно выкинув из морозилки труп томатной пасты. Когда Кульчицкий вечером решил пройтись по полкам привычно безнадежным взглядом, он вздрогнул от неожиданности. Он увидел сметану и творог, этажом ниже – тушку цыпленка, а в ящиках краснели и зеленели овощи. В масленке виднелся восхитительно желтый кусок сливочного масла.

Так и повелось с тех пор.

Ксения умела, но не любила готовить.

В девяностые она была ребенком и не осознавала, с каким трудом мать в одиночку растила двух дочерей в суровом северном городе. Но она умела собирать и жарить грибы, и видела, что мать рада ее нехитрой добыче. Подосиновики и подберезовики жарили с картофелем на огромной чугунной сковороде. Ксения знала толк и в рыбе – попробуй не разбираться в рыбе, живя в Мурманске, – но терпеть не могла ее чистить. Им с Полиной часто приходилось проводить вечера по уши измазанными в рыбьей чешуе: разделявать, жарить, запекать.

Ксения с дедом быстро распределили обязанности. Ксения ходила на рынок и покупала продукты. Дед, коренной ленинградец, профессор, всю жизнь обходил рынки стороной. Его коробило при мысли о рядах с шумными торговками, о горах овощей, о необходимости спрашивать цену и торговаться.

Ксения тоже не торговалась. Маленький северный таран, она шла между овощных, мясных, рыбных и молочных рядов, безошибочно выбирая лучшие продукты, ни на секунду не задерживаясь, чтобы поспорить о цене. Ксения брала то, что считала нужным, за ту цену, которая была приемлемой. На рынке ее скоро запомнили.

Кульчицкий кряхтя взялся за готовку. Он притащил из своей комнаты потрепанный том кулинарной энциклопедии и сначала с опаской, а потом все более втягиваясь, начал потрошить рыбу, варить супы и запекать жаркое. Ксения не интересовалась процессом готовки и ни разу не предложила помочь, но Кульчицкий научился по выражению ее лица определять, удалось ему сегодня идеальные щи или нет.

В одном только они не сходились: Ксения не хотела пить нормальный кофе.

Нормальный – это шведский, темной обжарки, который Кульчицкий привозил откуда-то с Сенной и с Удельной, из ларьков с импортными продуктами. Он варил кофе в огромной джезве, следил за пенной шапкой, вовремя снимал джезву с плиты, дымящейся струей целился в тонкостенную чашку с кобальтовой сине-золотой сеточкой. Он предлагал вторую порцию Ксене, предлагал каждый день. Но Ксения, вежливо попробовав раз, отказалась и принесла из магазина банку растворимого «Чибо». Она насыпала в кружку три-четыре ложки порошка, добавляла столько же сахара, следом – каплю горячего молока и долго толкла бессмысленную жижу ложечкой, после чего доливала доверху кипятка. Кульчицкий вздыхал.

– Я, Ксенечка, по молодости тоже себе желудок выжигал подобным непотребством. – Взгляд его туманился. Потом дед атаковал с новыми силами: – Но сейчас-то! У вашего поколения есть шанс развить нормальный вкус.

Ксения вежливо кивала, но на следующее утро снова тянулась за банкой «Чибо».

Ксения поступила в медицинский университет с первой попытки.

Во время вступительных экзаменов дед похудел, помрачнел и плохо спал ночами: Ксения пару раз слышала, как он уходил на пробежку чуть ли не в четыре утра. Она сдала химию и биологию на пять, а сочинение написала на четверку, набрав тем самым необходимый проходной балл. Она не признавалась деду, как в дни экзаменов у нее подкашивались ноги. Она и себе не признавалась. Маленький северный таран поразил экзаменаторов простотой и ясностью ответов и отсутствием видимых признаков волнения.

В списках поступивших Ксенина фамилия соседствовала с фамилией Нехай. Ксенин взгляд зацепился за две строчки: Нецветай Ксения. Нехай Оксана.

– Пра-шла? – громко спросил кто-то за ее спиной.

Ксения обернулась и встретилась глазами со смешливым взглядом из-под длинных и густых ресниц. Незнакомка подошла неслышно и теперь стояла так близко, что Ксения растерялась. Отступить было некуда: вздумай Ксения шагнуть назад, она бы уперлась спиной в доску.

От век к вискам незнакомки убежали две черные линии – кажется, стрелки. Стрелки оказались не единственным явлением, для обозначения которого Ксенин мозг начал судорожно перебирать картотеку понятий. Такое чувство, что девица вся – ее брови, ресницы, губы, шея, грудь, элементы одежды и обуви – состояла из незнакомых Ксении деталей. Что дает такой яркий вишневый оттенок губам – помада или блеск? Ксения, которая сроду не пользовалась никакой косметикой кроме гигиенички, окинула незнакомку взглядом: белоснежная блуза (батист?), черный корсет со шнуровкой, приподнятая пышная грудь, красная юбка (шифон?), которая шуршит при каждом движении, и туфли с огромными каблучищами (кажется, у них тоже есть специальное название). Черные локоны девица собрала в пышную прическу, несколько прядей падали на шею и покатые плечи.

Выглядела она так, будто ее вырезали из цветного глянцевого журнала и вклеили в книжку с черно-белыми иллюстрациями.

Ксения кивнула.

– Я Оксана (А-аксана), – пропела девица и неожиданно заключила Ксению в объятия.

Пахло от нее тропическими фруктами. Сочно, ярко.

Ксения как-то читала статью о необходимости прикосновений для нормального развития человеческого мозга. Нейрофизиологи приводили конкретные значения: с какой частотой человек должен обниматься с себе подобными. Значения шокировали: если верить ученым, заключать в объятия живое существо необходимо то ли десять, то ли двенадцать раз в день. Ксения разозлилась и выкинула статью: ей в жизни не набрать «нужного» количества прикосновений, да и разве можно мести всех под одну гребенку?

С тех пор как Ксения покинула дом, она ни с кем не обнималась.

Дед не прикасался к ней даже случайно. Друзьями она обзаводиться не спешила. На работе она трогала разве что пыльные плакаты, стеклянные и керамические сосуды и бесконечные жужжащие и свистящие приборы. Ксения и себе не признавалась в том, что соскучилась по прикосновениям.

Ксения замерла, прижавшись к Оксаниной груди, утонула в ароматном облаке. Долгое мгновение она не шевелилась, затем подняла руки и неловко погладила Оксану по спине. Захотелось разрыдаться от непонятного облегчения.

Видимо, нейрофизиологи не ввали. Ксения шмыгнула носом, останавливая неуместный поток чувств, отстранилась и протянула руку:

– Ксения... Ксения.

Оксана запрокинула голову и расхохоталась. Обнаженные ключицы, ямка между ними, черные перекрестья шнуровки, локоны, нежные розовые мочки ушей с алыми каплями сережек – все задвигалось в такт смеху. Ксения не отводила взгляда от нежной Оксаниной кожи.

Подошли двое: парень с рыжей шевелюрой и второй, тощий и бледный. Хотели посмотреть списки поступивших, но увидев Оксану, застыли на месте. Рыжий открыл рот, бледный побледнел еще сильнее.

Оксана сжала Ксенины пальцы. Рука у нее была мягкая, теплая.

– Только не говори, что ты та самая Нецветай, которая на следующей строчке.

Теперь засмеялась и Ксения.

Ей стало легко. Оксанины объятия будто послужили финальной точкой в поступлении в медицинский вуз, будто не экзаменаторы решали ее судьбу, а эта яркая девица, похожая на экзотическую птицу.

Ксения потянула Оксану за рукав, и они отошли в сторону, пропуская вышедших наконец из ступора парней к заветным спискам.

Тогда было начало июля. Белое время, тополинное время, зенит лета.

Кульчицкий, казалось, помолодел и пояснел лицом. В честь поступления он подарил Ксене новехонький анатомический атлас и солидную стопку тетрадей с репродукциями художников-авангардистов на обложках. Чтобы отметить Ксенин успех, он повел ее в ресторан на Кронверкском.

На входе строгий человек с черной бабочкой уточнил, забронирован ли у них столик. Кульчицкий растерялся. Оказалось, он лет двадцать уже не ходил в рестораны и кафе и напрочь забыл, как это делается. Ксения огляделась по сторонам и затащила деда в соседнюю «Идеальную чашку».

– Вы же любите кофе, вдруг вам тут понравится. У них есть пирожные.

Кульчицкий долго и придирчиво изучал меню, но в итоге взял себе простой эспрессо. Ксения с опаской заказала «фирменный» кофе и яблочный пирог. Глядя на то, как Ксения изучает шапку взбитых сливок, как она маленькими глотками пробует напиток и прикрывает глаза, Кульчицкий на миг снова почувствовал перебои в сердце. Стук. Пауза. Стук.

– А мне нравится, – сказала Ксения. – Не такой горький, как вы варите дома.

– А вот хватит выкать, – вдруг рассердился дед. – Ты теперь тут надолго, так давай это... по-человечески.

Ксения взглянула на него исподлобья, но ничего не ответила. Она вспомнила объятия Оксаны, и ей захотелось погладить дедову сухую морщинистую руку.

На следующий день дед купил несколько новых пачек кофе. Они тоже были фиолетовыми, той же шведской марки, но на них значились разные цифры – от единички до четверки.

– Давай пробовать, – сухо бросил он Ксене и снял с крючка змеиную джезву.

Остановились на «тройке»: Ксене понравился кофе средней обжарки. Еще более посветлевший лицом Кульчицкий рассказал, сколько ложечек сыпать в джезву, какой водой заливать (ни в коем случае не из-под крана, вот, в кувшине специальная питьевая, а еще лучше – минут за двадцать поставить ее в холодильник), как следить за пенной шапкой и в какой миг выключать огонь.

Ксения кивала, соглашалась. Но выбросить банку растворимого «Чибо» отказалась наотрез.

Кульчицкий не собирался умирать, но показал Ксене записку «на случай внезапной смерти» и бумажки, из которых следовало, что у него припасено место для могилы на Смоленском кладбище. Рядом с сыном.

О папиной могиле Ксения заговорила с дедом только в июле. Словно поступление в университет вывело их отношения на новый уровень. Возможно, дед до конца не верил, что Ксения успешно сдаст экзамены и останется в Петербурге, возможно, он ждал, что наваждение рассеется, и маленький северный таран исчезнет из его жизни. Тогда и говорить ни о чем не придется.

В июле дед впервые повез ее на автобусе на Васильевский остров.

Ксения вспоминала, как они долго шли среди деревьев, как играли на лице свет и тень, как пришли, наконец, к могиле у берега речки. Смоленка, сказал дед, а вот... Андрюша.

Так Ксения впервые увидела отца.

Позже она ездила сюда одна, много раз. Как-то пришла пешком с Петроградской стороны: хотела разобраться в спутанном клубке улиц и преодолеть страх перед петербургскими мостами.

И вот теперь ей предстоит навещать обоих – отца и деда.

После дедовой смерти Ксения пропустила несколько дней учебы. В деканате к вынужденному отпуску отнеслись с пониманием. Оксанка позвонила выразить соболезнования и пожаловалась, что некстати схватила простуду и ничем не поможет по дому и с похоронами.

Если бы не Сашка, Ксеню бы наверняка сожрали работники бюро ритуальных услуг. Но он взял на себя значительную часть хлопот, и Ксене оставалось только расплатиться и подписать документы в нужных местах. На могилу поставили временное надгробие, и Ксене еще предстояло выбрать и заказать мраморную плиту, такую же, как у Андрюши... у папы.

На похоронах Ксения растерялась в черно-серой толпе; ее оттирали в сторону, пока кто-то не спрашивал «внучка?» и не выталкивал ее опять к самому краю могилы. Незнакомые люди, знакомые лица, знакомые руки, ноги, зонты. В день похорон опять шел дождь, желтая глина расплывалась и чавкала под ногами, пахло прелой листвой и ладаном. Ксения мотала головой, пытаясь определить источник запаха, но снова и снова утыкалась взглядом в зонты и одинаковые черные плащи. Один раз в толпе мелькнуло вроде бы знакомое лицо, но тут же скрылось за щитом зонта. Ксения не знала никого из присутствующих. Дедовы друзья и бывшие коллеги – ни с кем из них он не познакомил ее за полгода, ни с кем из них она больше не увидится.

Она ошибалась.

На похоронах Кульчицкого ее внимательно изучала не одна пара глаз.

Глава 3

Парсек

Санкт-Петербург, октябрь 2004 года

Ксения ожидала, что после смерти деда ей придется переехать из квартиры в университетское общежитие. Так ведь бывает только в сказке: чтобы богатый дед оставил внучке, которую и знать не знал, огромное наследство. Трешку на Петроградской стороне. На Петроградке, поправляла себя Ксения, вытирая слезы. Дед бы сказал, на Петроградке.

Кульчицкий не был богатым. Наверняка сейчас объявятся какие-нибудь родственники, о которых она понятия не имеет. Бодаться за наследство Ксения не собиралась, тем более она приехала в Питер, рассчитывая только на себя. Она провела полгода, катаясь как сыр в масле, что ж, это можно считать подарком судьбы. Авансом. А теперь начнется простая жизнь.

Дед удивил Ксению и после смерти.

Ее вызвали в кабинет нотариуса неподалеку, на той же улочке. На двери кабинета значилось огромными буквами «НОТАРИУС» и почти такими же большими – «Самсонова Нинель Алексеевна». Сухая, как доска, тетка с волосами, туго забранными в балетную кичку, при виде Ксении поджала тонкие губы. Тем сильнее было впечатление, когда тетка сняла очки и проследила за ней.

Ксения оторопела.

– Он говорил, что когда-нибудь вы приедете. – Нотариус покачивалась в такт словам. – Он думал, что не увидит вас при жизни, но точно знал, что вы приедете. А когда летом бегал тут, радовался; я все говорила, добегаешь ты, Владимич, скачешь с тротуара на тротуар, а он отмахивался и смеялся: теперь я буду жить вечно, с Ксенечкой-то.

Оказалось, дед давно водил знакомство с Самсоновой и часто на завершающем круге пробежки заглядывал к ней в кабинет на чашечку кофе.

– Иногда даже не заходил, – всхлипнула Самсонова, – я ему... в окно. – Она показала рукой на широкий подоконник. Ксения представила, как дед в синем костюме стоит снаружи и смеется, протягивая руку.

Дед оставил Ксении квартиру и немного денег.

Дата на завещании значилась на пару лет раньше даты Ксениного переезда в Питер. В завещании дед верно указал Ксенины фамилию-инициалы, паспортные данные, адрес регистрации и фактического проживания, то есть адрес материнской квартиры в Мурманске, и даже их городской телефон. Он знал! Откуда? Не иначе мать солгала о том, что не разговаривала с ним в течение двадцати лет.

Оставалось соблюсти формальности. Самсонова подсказала Ксении, какие документы подписать, как переоформить коммунальные платежи.

Ксения стала полноправной хозяйкой дедовой квартиры.

И кота.

Она вспоминала, как в первые дни кот изучал ее. Как будто оценивал, годится ли новый человек для важной миссии – чесать котовую башку.

– Междуушье, – смеялся дед, – там чеши, и Парсек твой навеки.

– Почему Парсек? – удивлялась Ксения. Дед пожимал плечами.

– В первые пару дней, как я его принял, был Амплитудой, потому что носился туда-сюда. Потом мне знающие люди на его хозяйство указали, – дед кивал неопределенно в сторону котового хвоста. – Ну а так, если поглядеть, как он то тут, то там... Вот смотришь на него: кажется, он в том конце коридора, и вдруг – раз, оказывается, он все это время у твоих ног. И ведь уверен, паршивец, что все обращается вокруг него. Люди спорили веками, Земля ли вокруг Солнца или Солнце вокруг Земли, а кота единицы измерения времени и расстояния, похоже, не волнуют: есть еда – он тут как тут, хотя до того мог быть на том конце вселенной.

Осенью Парсека, как и всех домашних животных, нужно было поставить на учет. Еще летом готовили специальный законопроект – в числе многих – для защиты населения.

– Защиты! – дед грозил в окно костлявым кулаком, – видал я их защиту. Комендантский час ввели, так мне в лучшее время на пробежку не выйти.

В самом деле, в августе по распоряжению губернатора города ввели «небольшой» комендантский час – с полуночи до семи утра. До семи утра из дома можно было выходить только по специальным пропускам. Кульчицкий любил бегать рано: летом мог встать и в пять утра, к осени время пробежки сдвигалось на шесть, ну а зимой, когда все одно – темень, нежился в кровати до семи-восьми часов.

Кульчицкий не включал телевизор, и Ксения, которая за годы привыкла к тому, что в материнской гостиной ящик не замолкает ни на минуту, отдыхала от постоянного потока новостей, рекламных роликов и низкопробных сериалов. Новости дед узнавал по допотопному радио: вертел пожелтевшее колесико и выискивал среди шипения и хрипов какие-то частоты, иногда иностранные, иногда отечественные. Слушал, мрачнел.

– Закручивают, – сухо бросал он Ксене, собираясь на очередную пробежку. – Эдак скоро и в магазин без специального пропуска сходить не сможем.

После каждого сеанса неприятных новостей дед на время запирался в тайной комнате. Выходил он оттуда усталым и будто еще немного постаревшим.

От чего правительство собиралось защитить население, для чего нужны странные меры – с комендантским часом, с возможными пропусками, с контролем перемещений по стране и за ее пределы, – пока было не вполне ясно. В новостях сказали, что домашних животных будут проверять и контролировать. То ли среди кошек, собак и хомячков в самом деле затаились инопланетные вредители, то ли питомцы могли служить передатчиками информации врагам, Ксения понять не успела: дед в ярости грохнул кулаком по столу, выключил радио и еще пару суток к нему не подходил.

В начале октября Ксения дошла с переноской, в которой сидел мрачный кот, до ближайшей санстанции и получила необходимые документы. На Парсека надели ошейник: он был не толще струны, да и цвет подобрали в тон кошачьей шерсти. Парсек никаких признаков беспокойства не подавал. Ксения не видела ничего странного в постановке кота на учет – люди тоже подучетные: паспорт, прописка, студенческий... Но дед ворчал:

– Это они пока хвостатых окольцовывают, а рано или поздно до людей доберутся. Смотри в оба, Ксенечка, смотри в оба.

Ксения не знала, на что смотреть.

Она честно пыталась пользоваться дедовой джезвой, но змеиные морды будто насмехались над ней и отвлекали ее в последний момент, чтобы кофе сбегал. Ксения злилась и заваривала растворимый кофе в кружке с жирафиком. Она старалась вставать пораньше, чтобы без суеты завтракать в уютном кресле.

А еще – чтобы лишний раз не встречаться со Страшилой.

Страшилой дед прозвал соседку из квартиры напротив. Еще весной дед предупредил Ксению, чтобы она не пугалась, когда столкнется со сварливой женщиной. Он так и сказал сначала, чопорно и серьезно: «сварливая женщина», кашлянул, рассмеялся и махнул рукой:

– Страшила она.

Соседка распахивала дверь своей квартиры ровно в тот момент, когда Кульчицкий или Ксения выходили из своей. Она начинала ругаться: первые слова произносила медленно, скрипуче. Как будто механизм, отвечающий за ругань, за время простоя приходил в негодность, и теперь ржавые колесики и винтики поворачивались с трудом. В этот момент еще можно было проскочить мимо, пока она не набрала воздуха в легкие. Следующим этапом ругани уже был нечленораздельный визг. Смысл претензий сводился к одному и тому же: Кульчицкий и Ксения снова сделали что-то не так. Не так вынесли мусор. Не так не вынесли мусор. Не вынесли мусор. Пошевелили ее драгоценный придверный коврик, и теперь он лежит криво. Шумели дома. Устраивали вечеринки с запрещенными элементами – тут дед обычно закатывал глаза и с холодной вежливостью интересовался, какие именно элементы нынче под запретом: литий, бор или барий? Визг переходил на такие частоты, которые человеческое ухо не воспринимало. Кульчицкий протискивался мимо и ретировался.

Толстая баба – все-таки женщиной Ксения не могла ее назвать даже мысленно – Страшила добавляла объема слоями одежды. Непонятно, сколько она надевала трикотажных платьев и халатов, но их капустные слои виднелись один под другим. Сухие желтые патлы напоминали солому. При первом же взгляде на соседку Ксения согласилась с дедом: Страшила и есть. Коренастая, толстая, желтоволосая, с круглым лицом, посередине которого торчал красный нос.

– Очень хорошо... простите, неприятно, когда голова у тебя набита соломой, – цитировал дед «Волшебника Изумрудного города», и Ксения фыркала.

Настоящее имя Страшилы дед не знал.

Когда Ксения впервые столкнулась со Страшилой после смерти деда, ей показалось, что в чертах соседки мелькнуло что-то человеческое. Завидев Ксению на лестничной клетке, она выдержала секундную паузу. Приоткрыла рот. Ксения даже подумала, что соседка что-то спросит или выскажет соболезнования. Но нет, рот распахнулся шире, и Страшила завизжала, пропустив привычную прелюдию.

Ксения сбежала по лестнице.

На улице она тряхнула головой: еще одно наследство от деда. Ксения невесело улыбнулась: вот кого бы на учет поставить, так ведь нет, формально придраться не к чему. Скверный характер – не повод вызывать милицию.

Единственное, что выручало: Страшила любила поспать.

Ксения решила, что лишнее время по утрам посвятит городу.

Почему Петербург называют Питером? Почему о Петроградской стороне говорят так пренебрежительно и без уважения – Петроградка? Почему дед, интеллигент, ленинградец в нескольких поколениях, говорил про Васильевский остров запросто «Васька»?

Ксения терялась от кажущейся фамильярности. Дед был ее единственным проводником в этот город, а она не воспользовалась его знаниями и опытом. Он светился от любви к месту, в котором жил. Если они выходили из дома вдвоем, Ксения чувствовала, как под дедовым взглядом меняется пространство. Она замечала узоры решеток, витражи, маскароны и барельефы. Дед будто невзначай ронял в разговорах факты и даты, а Ксения складывала услышанное в особую папку под грифом «потом пригодится». Как будто должно наступить особое «потом», после которого она разрешит себе пойти на сближение с городом.

Ну что, дождалась?

Теперь она ходила по незнакомым улицам и чувствовала насупленное молчание домов. Она трогала грязные стены, проходила под сетками, прикрывающими леса, заглядывала в темные подворотни. После смерти деда некому было показывать ей красоту города. Как она ни старалась, она раз за разом видела только его пугающее уродство. Петроградская сторона, Петроградка: город в городе, сплошь состоящий из лабиринтов и тупиков.

Ксения просыпалась в каждый новый день, как солдат перед наступлением.

Нужно штурмовать непокорный мрачный город. Нужно штурмовать непомерно сложную учебу.

Нужно штурмовать саму жизнь.

И некому ей помочь.

Глава 4

Os temporale

Санкт-Петербург, ноябрь 2004 года

Ксения думала, что ей будет проще, чем многим однокурсникам. Три года в колледже должны были дать ей ощутимую фору.

Но учеба в медицинском вузе превзошла все ее ожидания. Ксения в первые же дни удивилась объему информации, который учебное заведение пыталось впихнуть в мозги вчерашних школьников. Ее отличная память работала на пределе, но все равно приходилось оставаться на кафедре анатомии после занятий и проводить бессонные ночи дома за зубрежкой сотен латинских названий.

Оксанке приходилось еще сложнее.

Они с первого дня сели за одну парту. Первой парой в их совместном учебном пути была химия. Синхронно наклонились – каждая к своей сумке – и достали одинаковые тетради с одинаковыми картинками на обложках.

– Ты тоже любишь Кандинского? – удивленно спросила Оксанка.

Ксения взглянула на тетрадь – дедов подарок – так, будто увидела картинку впервые. Какие-то линии, пятна и круги. Ксения неопределенно кивнула: не хотелось признаваться в том, что фамилия художника ей не знакома.

Оксанка быстро схватывала информацию и так же быстро забывала. Она блестяще отвечала во время опроса, если успевала прочитать в учебнике нужную фразу и поднять руку. Садясь на место, она моментально выкидывала прочитанное из головы и переключалась на более насущные дела. Писала письма – подружкам в Таганрог, маме, брату. Вела дневник в толстой тетрадке, стилизованной под старинный фолиант.

Оксанка напоминала Ксене стрекозу. Южную, кровь-с-молоком чернобровую стрекозу, но именно ту, которая «лето целое все пела». Оксанка умудрялась быть на хорошем счету у всех преподавателей. Каждый таял от ее природного обаяния и был уверен, что именно его предмет девушка знает лучше всего. Только физик смотрел без улыбки, спрашивал сухо и делал какие-то пометки на листке бумаги. А еще Оксанкино обаяние оказалось бесполезным на анатомии.

До этого Оксанке удавалось балансировать на схваченных по верхам знаниях, будто она двигалась по ненадежным кочкам через болото, и каждый следующий шаг грозил увести ее в трясины. Занятие по височной кости стало переломным моментом в жизни студентов-медиков.

Преподавательницей анатомии была Ольга Николаевна, миниатюрная женщина с ровным голосом. Никого не удивляло, что ее голова напичкана латинскими терминами. Студенты называли Ольгу Николаевну киборгом и шутили, что ее сконструировали и запрограммировали на кафедре еще до революции.

В тот день Ольгу Николаевну почему-то замещал некто Иван Максимович, аспирант кафедры.

Сначала студенты увидели тень перед порогом. Затем человек за дверью слегка наклонил голову и протиснул плечи в дверной проем.

Иван Максимович в два шага пересек аудиторию; казалось, нет ничего странного в его росте или размахе шагов, просто аудитория вдруг сужилась до размера кукольного домика. Белый халат на могучей груди распахнулся. Темные волосы были подстрижены коротко, остро, на лоб падала аккуратная челка. Из-под насуспенных бровей внимательно глядели черные

глаза. Чисто выбритый почти квадратный подбородок Иван Максимович слегка выдвинул вперед, будто заходил не в учебную аудиторию, а на ринг для решающего сражения.

Иван Максимович обвел ребят взглядом и протянул руки над алюминиевым подносом с препаратами костей. В аудитории воцарилась тишина. Иван Максимович аккуратно подцепил двумя пальцами небольшую косточку, поднял ее перед собой и сказал неожиданно мягким, велюровым голосом:

– Височная кость. *Os temporale*. – Голос его обнял присутствующих, и в тот же миг раздался еле слышный вздох. Студенты словно услышали команду «вольно»: все расслабились, девчонки стали теревить локоны и сережки, парни откинулись на спинки стульев. Гигант в белом халате смотрел на височную кость с нежностью и восхищением, его лоб разгладился, будто он встретил давнего и любимого друга.

Он заговорил.

Ксене показалось, что время закольцевалось или немыслимо растянулось: невозможно так долго называть латинские термины одной крошечной фигурки! Ксения покосилась на Оксанку: та прижала ладони к вискам. Голос Ивана Максимовича буравил мозг, просверливал каналы в дополнение к тем, которые он перечислял. Трещины, бугорки, борозды, каналы черепно-мозговых нервов, названия самих нервов.

Урок закончился, однокурсники загомонили, собирая тетради и учебники в сумки. Оксанка продолжала сидеть, сжимая руками голову. Когда в аудитории остались только они с Ксеньей, Оксанка разрыдалась.

– Я не смогу! – всхлипывала она. – Это невозможно. Я не выучу... такое. Завтра диктант по латыни и контрольная по химии, что они себе думают? Что это может поместиться в мозг? – Оксанка с отвращением обвела руками полки, с которых на них равнодушно пялились пустыми глазницами черепа.

Ксения протянула Оксанке бумажный платок и молча ждала, пока поток слез иссякнет.

– Смотри. – Ксения тщательно подбирала слова. – У него есть руки, ноги, голова.

– У кого? – всхлинула Оксанка. – У скелета?

– У Ивана Максимовича. Он минут сорок говорил без остановки. Без остановки! – Ксения покачала головой. Да, ближайшие дни зубрежки будут непростыми. – Я посмотрела, височная кость в учебнике занимает несколько страниц. – Оксанка попыталась взвыть, но Ксения предупредительно погладила ее по плечу. – Иван Максимович – человек. С руками и ногами. И мозгом. Я слушала, и у меня в голове одновременно появились две мысли: «это невозможно выучить!» и «он же выучил, значит, и мы сможем».

Они смогли.

Ксения приводила Оксанку к себе домой, они часами корпели над атласом и учебником. Оксанка конспектировала в тетрадь клятые бугорки и трещинки, что-то выделяла разными цветами маркеров. Словом, твердо решила доказать и себе, и Ксене, и преподавателям, что способна вместить невместимое.

– Об орясину осел топориче точит, – начинала Ксения, и Оксанка подхватывала:

– А факир, выгнав гостей, выть акулой хочет, – и шевелила губами, вспоминая названия двенадцати пар черепно-мозговых нервов, зашифрованные в смешном мнемоническом стихе: ольфакториус, оптикус, окуломоториус...

За зачет по височной кости Ксения получила пять, Оксанка – четыре, потому что все-таки перепутала пары нервов и забыла какую-то трещинку, но Ольга Николаевна все равно отметила, что Оксанка превзошла саму себя.

Оксанка пыталась таскать Ксению по музеям.

– Ты же не питерская, – удивлялась она Ксениному равнодушию, – я когда переезжала, список составила, смотри, – она вынимала из-под корсета сложенный листок бумаги, – Эрмитаж, Русский – эти я еще летом обошла, в одном только Эрмитаже можно неделю провести, не вылезая. Но дворцы, – Оксанка мечтательно закатывала глаза, – Меншиковский, Мраморный, Инженерный, неужели не была ни разу? – И, не дожидаясь Ксениного ответа, продолжала: – Я бы жила в Меншиковском, там такие интерьеры, такие будуары!

Ксения представила себе Оксанку в таком «будуаре».

– А еще пригороды, – воскликнула Оксанка, – ездить не переездить.

Ксения не переставала удивляться, почему Оксанка, с ее страстью к живописи и дворцам, к архитектуре («Ты только посмотри, это же раннее барокко!» – Оксанка останавливала Ксению посреди улицы и восхищалась рюшечками на фасаде) оказалась в медицинском университете, и, главное, как она поступила на бюджет.

– Повезло, – беспечно махала рукой Оксанка. – Я в Питер хотела, в какой вуз – все равно. Мама говорила: в Питере жить будешь как в музее, так что в музейный поступать обязательно. Иди в такую профессию, чтоб прокормила. И чтобы замуж выйти. – Оксанка интимно понизила голос: – Я же никому не признаюсь, тебе первой: я скатываю богически.

– Скатываешь? – не поняла Ксения.

– Ну, списываю. – Оксанка положила одну руку на грудь, а второй приподняла подол пышной юбки. Мелькнула подвязка чулка. – Считается, что на вступительных списать невозможно, да?

– Ну... да. – Ксения была ошарашена. Списывать на экзамене представлялось не только технически невозможным: ей бы в голову не пришло, что на это вообще можно решиться.

Оксанка торжествующе кивнула:

– Вот пусть и дальше так считается.

Разговор был закончен, но с тех пор у Ксени внутри поселился крошечный червячок. Нет-нет да и царапала ее мысль о том, что Оксанка, которую она привыкла считать поверхностной и непостоянной, способна на обман. Ксения вспоминала счастливое Оксанкино лицо после зачета по височной кости. Она же может напрячься и выучить!

Мелькала сеточка чулка, рука гладила грудь с почти непристойным кокетством. Ксения морщилась. Ну и какой врач получится из... такой вот Оксанки?

– А тебе самой замуж хочется? – спросила как-то Ксения.

Оксанка неожиданно всерьез задумалась.

– Да. И нет. Я хочу богатого. Иногда думаю, что можно и не замуж, а просто – ну, папика. Хочу жить как во дворце, знаешь. С будуаром и балдахинном. – Она расхохоталась. – А иногда вдруг по-другому. Просыпаюсь и думаю: хочу, чтобы любовь. Настоящая.

Она помолчала и продолжила без улыбки:

– Я много пробую, много вижу. Много успеваю. Много могу. Но вот пока не знаю, чего хочу на самом деле. Понимаешь?

Ксения вздохнула. Она не понимала.

Оксанка жила в общежитии неподалеку от университета. Она часто опаздывала, иногда пропускала первые пары, иногда и вовсе не приходила. Причиной прогулов могло быть как похмелье после очередной вечеринки, так и то, что Оксанка с утра отправлялась в музей вместо пар по латыни или истории медицины.

После памятного зачета по височной кости Оксанка стала чаще появляться у Ксени дома, иногда без предупреждения. Она бросала на пол плащ, в другую сторону летела сумочка, куда-то в угол отправлялись туфли, зонтик, если был дождь, и тропической птицей парил в сто-

рону вешалки яркий шелковый платок. Оксанка вплывала в комнату в облаке сладких духов и жаловалась:

– Локтевой и лучезапястный суставы, отработки завтра. Помоги, а?

Оксанка успела побывать у Ксении дома еще до дедовой смерти. Сентябрь стоял теплый, Оксанка провожала Ксению, и когда они уже сворачивали с Кронверкской на улицу Лизы Чайкиной, они встретили Кульчицкого. Дед то ли прогуливался, то ли шел по своим делам. Он скользнул взглядом по Оксанкиным чулкам в сеточку и по ярко-красным туфлям, похожим на раздвоенные копытца, прижал руку к груди и слегка поклонился. Он сказал, что если девочки хотят устроить чаепитие, то могут идти домой, не опасаясь ему помешать: он вернется часа через два-три.

Так и сказал, устроить чаепитие, веселилась Оксанка, когда они уже поднимались по лестнице. Может, нам еще чайную церемонию провести? Какой он у тебя... чудной.

Ксения не успела предупредить подругу о соседке. Страшила выскочила на лестничную клетку и после секундной паузы разразилась громкими криками. Ксения молча прошла мимо, но Оксанка тряхнула черными косами и ответила тирадой, самыми цензурными и понятными словами в которой были «не в свое дело», «быстро пасть закрыла».

– Мне тут еще жить, – укоризненно заметила Ксения, когда они наконец захлопнули дверь изнутри.

Оксанка пожала плечами.

Кажется, Кульчицкому Оксанка не понравилась.

За ужином он осторожно посоветовал Ксении приглядывать за подругой. Ксения не поняла, что он имеет в виду, но почувствовала, как внутри все напряглось и вот-вот снова зазвонит стальная струна.

Струна напрягалась всякий раз, когда мать вмешивалась в ее дела. Мать рубила сплеча. Она могла без спросу порыться в Ксениной одежде и выкинуть «это тебе не по возрасту» яркие варежки или «слишком мальчишескую» рубашку. Струна окончательно порвалась во время РАЗГОВОРА, и Ксении до сих пор казалось, как будто у нее внутри болтаются два оборванных конца стального троса.

После слов Кульчицкого время будто совершило кувырок назад, и Ксения почувствовала себя маленькой девочкой перед мамой, но дед не стал развивать тему. Он макнул горбушку ржаного хлеба в подливу, придерживая ее ножом, спокойно доел жаркое, встал и поставил на плиту джезvu. Ни слова больше не было сказано об Оксанке. Дед дал Ксении понять, что всецело доверяет ее собственным решениям относительно выбора друзей.

Он ведь тогда еще что-то говорил, в сентябре...

Бенцион Владимирович отпил кофе, аккуратно поставил чашку на стол и провел указательным пальцем по золоченому краю.

– Видишь ли, Ксенечка, – наконец произнес дед. – Сейчас важно найти людей, которым ты сможешь доверять.

Ну вот, опять. Неужели все-таки заведет песню про «не приводи сюда больше эту шалаву»? Нет, так могла бы сказать мать. Дед не скажет.

Ксения оказалась права. Дед сказал другое.

– Оксана хорошая девушка. – Он поднял на Ксению усталые глаза. – Я надеюсь, ты найдешь хороших друзей. Наступают времена, когда будет трудно верить не только другим, но и себе. Мои слова сейчас тебе кажется странными, но потом ты поймешь. Важно пока ни при каких обстоятельствах не подходить, – он кивнул в сторону запретной комнаты, – ну, ты поняла.

Когда придет время, я тебе все покажу. И научу, что делать. И если тебя будут окружать дорогие тебе люди... их тоже научу.

Научит делать – что?

Ксения открыла глаза.

Она вспомнила тот разговор так отчетливо, услышала дедовы слова и увидела его самого так, будто он сидел напротив. Он подпер подбородок ладонью и покачивал чашку, отпивая напиток маленькими глотками. Когда на дне чашки не осталось ничего, кроме гущи, дед еще какое-то время вглядывался в кофейную черноту, будто искал ответы на важные вопросы.

В первый и единственный раз, когда Ксения зашла в запретную комнату, она ничего толком не разглядела. Она была ошарашена сначала известием о дедовой смерти, потом – Сашкиной игрой на рояле. Ну да, она запомнила шкаф, вешалку с вещами, какие-то коробки. Больше месяца прошло со дня дедовой смерти, а Ксения вела себя так, будто его запрет по-прежнему действовал. Даже ключ от комнаты она положила обратно в дедов комод.

Рано или поздно ей придется привести в порядок квартиру, которую она унаследовала. Ксения уже прибралась в кухне: выкинула пустые коробки и банки, перебрала крупы в шкафах. Она всплакнула, когда проверяя исправность механизма раскладного кресла, обнаружила внутри запасы кофе. Четыре пачки шведского кофе самой темной обжарки.

Ксения решила, что на следующей неделе возьмется за дедов кабинет. Можно для начала навести порядок в книгах.

А потом дойдет очередь и до загадочной комнаты.

Ксения вздохнула.

Дед намекал, что начнутся особые времена, но что считать за особые? Ну вот, Парсек на учете. Еще в августе ввели комендантский час, с декабря его период обещают расширить. Войны – по крайней мере, здесь, у них – нет. Инопланетянами постоянно пугают, но вроде ничего странного не происходит, защитные меры принимаются.

Стоял конец ноября. Свет был невозможно ярким. Листвы на деревьях почти не осталось, небо казалось бездонным, тени – резкими и темно-синими. Все вокруг будто бы стало четче, злее. Очертания домов, чугунные решетки, поребрики, черные ветки деревьев – все обрело дополнительные острые углы. Воздух пах пряностями и тоже будто был острым на вкус, как блюдо индийской кухни.

Дед обещал, что когда придет время, он научит ее чему-то, связанному с запретной комнатой.

Но как понять, что время пришло, теперь, после его смерти?

Глава 5

Параметрические колебания

Санкт-Петербург, декабрь 2004 года

На кафедре физики пахло уксусом.

Уксусной кислотой и другими запахами несло с соседней кафедры химии, но сильнее всего пахло именно в аудитории, где проходили пары по физике. Наверное, дело в вентиляции и потоках воздуха.

Ксения совмещала учебу и работу лаборантом. Три дня в неделю ей приходилось вставать в шесть утра, чтобы к половине восьмого быть на кафедре и подготовить класс к занятию. Три раза в неделю она приходила сюда вечерами, чтобы убирать оставшиеся после лекций плакаты и проекторы, расставлять по шкафам приборы, проверять расходники и заполнять отчетные документы. Два раза в неделю ей приходилось пропускать собственные занятия – латынь и физкультуру, – чтобы ассистировать на лекциях с проектором. Она пока справлялась: деньги были нужны, на одну стипендию не прожить. Ксения подумывала о другой работе, но что еще можно делать в чужом городе без малейшего опыта?

Ей не нравилось на кафедре. Особенно вечерами, когда студенты расходились по домам, а свет за окнами сгущался. Ксения зажигала верхние лампы, но их белый прожекторный свет раздражал ее еще больше, чем полумрак.

Казалось бы, работая лаборантом и присутствуя на занятиях других групп, Ксения должна была неплохо разбираться в предмете, но с физикой у нее отношения не сложились. Она смотрела на страницы учебника: слова разбегались, знаки препинания издевательски прыгали над строчками. Ксения снова и снова думала о том, что если бы дед был жив, он бы ей обязательно помог.

«Колебания, которые происходят в системе, предоставленной самой себе после того, как ей был сообщен толчок либо она была выведена из положения равновесия, называют... свободными? Вынужденными? Параметрическими?»

Ксения закрывала учебник и смотрела на лестницу в углу.

Чугунная спираль поднималась к галерее, опоясывающей второй этаж. Там стояли шкафы, заполненные книгами. Как и в дедовом доме: повсюду стопки книг и журналов, и в каждой книге – сотни тысяч непонятных слов.

Ксения доставала из сумки учебник по анатомии и раскрывала его на произвольной странице. Монотонное перечисление латинских терминов ее успокаивало. Здесь все было логично. Кости, связки, фасции и мышцы, сосуды и нервы. В человеческом теле все устроено мудро и просто.

Но законы физики невозможно пощупать руками или разрезать скальпелем.

До зачета оставалось чуть меньше трех недель.

Чуть меньше трех недель и двадцать пять билетов, из которых Ксения знала два или три.

Оксанка была беспечна, как всегда:

– Шпоры дать?

Ксения помотала головой. Она знала, что даже если у нее будет набор шпаргалок, она никогда не сможет списывать так виртуозно, как Оксанка.

Образов Константин Алексеевич, который вел физику у первокурсников, вызывал у Ксении не меньшую оторопь, чем сам предмет.

Когда Ксения устраивалась на кафедру, ей пришлось общаться только с заведующим, Конышевым Евгением Викторовичем. Зав был невысокий полный дядька. Встречаясь глазами с собеседником, он первым делом расплывался в улыбке и только потом вникал в суть вопроса. На массивном столе в его кабинете стояла вазочка с конфетами, и каждому посетителю Конышев предлагал взять пару штучек «для настроения». Он часто навещался на пары, садился на заднем ряду, присутствовал на всех зачетах и экзаменах, подбадривал студентов и играл роль «доброего копа» в спорные моменты.

Когда Ксения впервые столкнулась с Образовым, она сразу поняла, кто на кафедре играет роль «злого».

Высокий, худощавый, в неизменной черной водолазке с высоким воротником – никто не знал, умеет ли Образов улыбаться. Иногда, задумавшись, он натягивал ворот водолазки до самого носа, прикрывая нижнюю часть лица, словно маской. Даже когда он смотрел собеседнику в лицо, взгляд его странных и очень светлых глаз был устремлен как будто немного мимо. Лекции он читал с таким видом, будто в аудитории кроме него нет ни души. Он не здоровался и не прощался, просто входил и начинал говорить, не дожидаясь, пока наступит полная тишина. Полная тишина, впрочем, наступала почти мгновенно. Образов не отвечал на вопросы, не смотрел в сторону парт со студентами, просто рассказывал материал, чертил на доске формулы, а по истечении времени собирал в портфель бумаги и уходил. Он никогда не сверялся со списком фамилий и не устраивал переключку, но ни единой живой душе не приходило в голову пропустить его пару.

Кроме Оксанки, конечно.

Однажды Оксанка, по своему обыкновению, загуляла на два дня. Позже она рассказала Ксении, что уехала к подруге в Пушкин, а там опоздала на последнюю электричку. Физика у них была по вторникам и пятницам, и, пропустив вторник, Оксанка впорхнула на кафедру в пятницу как ни в чем не бывало. Образов прочитал лекцию, но после лекции впервые поднял к студентам глаза и произнес два слова:

– Нехай, задержитесь.

Ксения ждала Оксанку в коридоре. Ни звука не доносилось из-за массивной двери. Ксения не находила себе места: она трогала ладонями холодные стены, шагала взад-вперед, заглядывала в соседние пустые классы. Наконец, дверь скрипнула, и Оксанка вышла, вернее сказать, почти выползла, держась за дверной косяк. Ксения едва узнала подругу: та будто похудела на размер, побледнела, под глазами появились синяки.

– Что он сказал? – не выдержала Ксения, потому что Оксанка шла рядом, не говоря ни слова.

Они вышли на улицу. Оксанка поежилась, кутаясь в пальто. Лицо ее порозовело, и Ксения подумала, что наверное ничего страшного не произошло, просто неверный свет коридора так исказил черты лица подруги.

– Сказал, что запомнил меня, и на зачете у нас будут... дополнительные вопросы. – Оксанка помотала головой. – Вроде ж ничего особенного не говорил, а я как кролик перед удавом. Сколько я там провела? – Она подняла руку к глазам, сверкнули часики на изящной цепочке, – Полчаса! Убей меня Бог, если я вспомню, что было. – Она перевела растерянный взгляд на Ксению и сразу расхохоталась: – Не, ну ты не думай, ничего такого, он вообще то ли импотент, то ли киборг, он мне не смотрел ни в глаза, ни на титьки. Короче. – Она снова посерьезнела. – Придется нам с тобой поднажать. Чот мне не нравится эта... физика, и мужик этот тоже не нравится.

В кои-то веки Ксения была согласна с подругой.

В начале декабря на собрании в деканате студентам выдали расписание сессии. После обычного «разбора полетов» и угроз отчисления декан мимоходом объявил, что с января вход на территорию вуза будет по специальным электронным пропускам.

Ксению снова что-то царапнуло, она увидела внутренним взглядом деда. Кульчицкий смотрел на нее с тревогой и покачивал головой, будто говорил: «Я предупреждал». А еще в его взгляде читалось нетерпение.

Ксения успокаивала себя: что такого? Подумаешь, пропуска. Были у них бумажные студенческие с фотографией, а станут электронные – так ведь намного удобнее. Потом, наверное, на электронный пропуск запишут всякую информацию – и телефон, и адрес, и, может, медицинские данные, и не придется таскать с собой эти сертификаты, полисы и прочие документы.

Взгляд деда стал жестче, и Ксения вздрогнула.

Да что с ней творится?

К концу первой недели декабря Ксения наконец закончила наводить порядок в дедовом кабинете. Она вытерла пыль с книжных полок и вымыла стеклянные дверцы, затолкала большую часть книг в шкаф.

– Прости, дед, – Ксения виновато кивнула полкам, – пусть лучше стоят за стеклом, чем собирают пыль.

Ксения вымыла окно, дождавшись теплого дня. Старые рассохшиеся фрамуги поддавались с трудом и возмущенно скрипели. Ксения отмыла в ванной колючие алоэ, едва дотаскивая туда огромные горшки. Она постирала темные шторы. Она перестелила дедову кровать, прилегла на нее и на миг прижалась щекой к белоснежной накрахмаленной наволочке. Стопки чистого белья хранились в шкафчике, и Ксения подумала, что никогда в жизни сама не крахмалила белье и не знает, как это делается. Теперь, наверное, и не узнает.

Ксения посмотрела на дедов письменный стол.

Слева лежали стопки научных журналов и тетради, справа стоял стакан с остро заточенными карандашами, перьевыми ручками, линейками и приборами, назначения которых Ксения не знала. От стола приятно пахло сукном и сухими листьями – то ли лавровыми, то ли табачными.

Ксения открыла одну из тетрадок. Странички были расчерчены в таблицы. В столбцах слева были цифры, видимо, даты. Самым ранним годом в таблице значился 1838-й. Справа Ксения разобрала названия. Кенигсбергская обсерватория. Ленинград. В скобках «Пулково, ГАО РАН». Ниже – «Зеленчукская, САО» и много других незнакомых Ксении названий. Города, а в скобках, видимо, названия обсерваторий. В третьем столбце были совсем уж непонятные пометки. Часть цифр и букв еще можно было разобрать. Напротив строчки с Пулковской обсерваторией, например, было четко написано, да еще и жирно обведено слово «достоверно!». Такое же «достоверно» виднелось напротив строки «Зеленчукская, САО РАН, РАТАН-600».

Ксения вздохнула, закрыла тетрадку и положила ее на вершину стопки.

В первые дни после дедовой смерти она ждала звонков от его коллег. На похоронах к ней кто-то подходил, выражал соболезнования. Дед был замкнут, и за полгода она ни разу не видела у него гостей и даже не слышала его телефонных разговоров, но ведь он столько лет проработал в обсерватории – неужели его записи, журналы и книги не представляют для коллег никакой ценности?

Ксения прижала руки к щекам. Щеки горели. Она прожила с дедом полгода под одной крышей, делила с ним еду, обсуждала бытовые вопросы, но так и не узнала, что из себя представлял он сам – Кульчицкий Бенцион Владимирович. Сначала она не собиралась оставаться в этой квартире, потом с головой ушла в подготовку к экзаменам, наступило лето... практика, август.

Ксения сидела на дедовой кровати и смотрела вперед невидящим взглядом. Чем она занималась летом? Она работала на кафедре, читала книги и бродила по городу, чтобы хоть немного освоиться до начала учебы. А когда наступил сентябрь, ей точно стало не до разговоров с дедом: урвать бы хоть крупницы сна между работой и бесконечной зубрежкой анатомических терминов.

Ксения даже в родном городе почти все время проводила в одиночестве. Полина – другое дело. Ее бесчисленные подружки сновали туда-сюда, шептались и постоянно чем-то занимались: кроили наряды, взбивали крем для тортов, плели браслеты, пели песни под гитару. Полине непременно надо было окружить себя как можно большим количеством народу.

Ксения брала Грымзу и уходила к озеру. Или к порту. Она слушала гул ветра, корабельные гудки, грохот металла, треск ломающегося льда или шорох листвы и мха под ногами.

Она прожила полгода с дедом, не обращая на него внимания. А он все ждал, пока она отгадает.

Да, сестрица на ее месте провела бы эти полгода с Кульчицким иначе.

Ксения отняла ладони от лица и снова посмотрела на стопки тетрадок и журналов.

Если бы вместо нее к деду приехала Полина, день на третий в квартире уже собрались бы дедовы академики – сухие нафталиновые старики с залысынами. Ксения представила, как сестрица поет романсы академикам, как щеки их розовеют, как Кульчицкий хлопает сухими ладонями и горделиво посверкивает глазами. Полина бы наверняка прошла по квартире рюшево-бархатным вихрем: повсюду бы возникли ее коробки с обувью и платьями, полочка в ванной рухнула бы под тяжестью пузырьков и флакончиков. На похоронах Полина бы сама перезнакомилась со всеми, обзвонила бы дедовых коллег, собрала их на пышные поминки, раздала бы желающим дедовы книги и записи.

Ксения смахнула злую слезу и положила ладонь на стопку тетрадей.

Полина бы никогда не поехала к Кульчицкому, потому что по праву крови он только Ксенин дед. Ни мать, ни сестра не имеют к нему отношения. Да, она ворвалась в жизнь незнакомого деда, но так и не успела с ним сблизиться. Она врала сама себе: якобы не хотела ему мешать, а на деле боялась узнать его получше. Теперь ничего не изменить. Дед не оживет, время назад не отмотать.

Единственное, что Ксения может для него сделать, – разобрать его вещи и сохранить о нем память.

Дед все время что-то недоговаривал.

Ксения ловила на себе его изучающий взгляд, будто он что-то взвешивал и не решался с ней заговорить. Все, что у нее осталось, – невнятные намеки. Дед обещал показать ей запретную комнату.

«Наступят странные времена, – вспомнила Ксения, – и придется делать странные вещи».

Ксения ожесточенно потерла щеки. Что толку сидеть и жалеть себя, сгорая от стыда?

Она открыла верхний ящик комода. Изящный ключ с узорчатой головкой лежал на месте. Ксения протянула к нему руку, и в голове зазвучали строгие и скорбные аккорды. Сашка назвал эту музыку – адажио.

Ксения отдернула руку и с силой захлопнула ящик. Помедлила. Опять раскрыла ящик и уставилась на ключ. Это же так просто: ощутить пальцами холодный металл, дойти до двери, повернуть ключ и зайти внутрь. Разобрать наконец дедовы коробки, оставить дверь открытой.

Может быть, все-таки объявится кто-то из дедовых коллег, кому она отдаст коробки и книги? Она бы с радостью спихнула с себя необходимость разбирать наследство, в котором она ничего не смыслит.

Но дед же не зря держал комнату запертой. Кому довериться?

Только один человек кроме нее и деда заходил в странную светлую комнату с роялем.

Ксения вспомнила Сашкины быстрые пальцы на черно-белых клавишах. Его стопу, вдавливающую педаль в пол. Ксения шумно вздохнула и еще раз – последний – захлопнула ящик так, что стол вздрогнул, а стекла в шкафу задребезжали.

Она не может.

Не сегодня.

Глава 6

А мы летим как звездочки

Санкт-Петербург, октябрь – декабрь 2004 года

В утро смерти Ксениного деда Сашка оказался на углу улицы Лизы Чайкиной и Кронверкского проспекта случайно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.